

Андрей Демидов

МЫСЛИ

Андрей Демидов

Мысли

«Грифон»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Демидов А. Г.

Мысли / А. Г. Демидов — «Грифон», 2013

Единый, могучий Советский Союз... Времена не такие уж далекие, и все-таки легендарные... Тайные операции власть имущих и подчиненных им спецслужб – теперь уже далеко не секрет, однако временами всплывает такое, что просто не укладывается ни в одну, даже самую хитроумную схему. Да, для одних это – бизнес, для других – работа, для третьих – любовная драма. Палитра романа широка: от бункеров Третьего рейха до раскаленных ущелий Афганистана, от респектабельных западных банковских счетов до кабинетов в столице Страны Советов накануне «перестройки». Немало испытаний выпадет на долю главных героев. Но любовь – это дар свыше. Любовь, которая под угрозой... Просто любовь... Для ценителей хорошей литературы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Демидов А. Г., 2013
© Грифон, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	55
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Демидов
Мысли
Роман

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Демидов А. Г., 2013

Глава 1

Дождь не унимался, молотил по зонтам, беззащитным спинам прохожих, вздувал на лужах большие пузыри, стучал по стеклам проезжающих автомобилей. В неровном свете только что зажегшихся фонарей метались промокшие голуби. Они пытались найти укрытие от косых струй дождевой воды в огромных серо-алюминиевых буквах «Слава народам СССР». Птицы бестолково хлопали крыльями и сновали над головами завязших в непогоде усталых людей... Безликая толпа горожан бесконечной вереницей выходила из метро, которое провозило их ледяным сквозняком, остервенело рвущимся из темных тоннелей и тусклых мраморных вестибюлей. Окна облезлых панельных зданий светились разноцветными кухонными плафонами и бросали свои вытянутые отображения на мокрый, лоснящийся асфальт около козырька автобусной остановки. Под ним толпились хмурые, угрюмые граждане с авоськами, портфелями, спортивными сумками, просто кульками. Люди стояли, втянув головы в плечи, вывернув шеи в сторону поворота, из-за которого должен был показаться долгожданный автобус. В воздухе на остановке ощущался тяжелый дух винного перегара, исходившего от прапорщика со стройбаговскими петлицами на шинели. Он стоял под дождем и пытался прикурить отсыревшую папиросу. Рядом скучали три очень похожие друг на друга старушки. У всех троих были одинаковые клеенчатые сумки на каталках, с опорными трубками на нижних торцах, которые чем-то смахивали на станковые пулеметы времен Первой мировой войны. Они, будто пулеметными лентами, были доверху набиты зеленоватыми сморщенными сосисками. Стоящий рядом молодой человек в поношенной серой куртке и самопальных джинсах, из-под которых выглядывали тупые носки туристских ботинок, нетерпеливо смотрел на раскачивающиеся стеклянные двери метро. Выходя из них, люди хлопали зонтами и поднимали воротники, готовясь вступить под дождь.

Неожиданно из общей толпы выскочил худощавый паренек со спортивной сумкой наперевес и букетом изможденных гвоздик в руках. Он набросил брезентовый капюшон на всклокоченную голову и понесся через лужи. Молодой человек, стоящий на остановке, окликнул его:

– Олег! Я здесь!

Бегущий замедлил движение, вертя головой:

– Денис! Алешин? Ты где?

– Да здесь я. Здесь, товарищ Козырев... – Молодой человек накрыл голову прошлогодним журналом «Новый мир» и шагнул под непрекращающийся дождь. Они пожали друг другу руки.

– Автобуса давно нет? – спросил Олег, глубже натягивая капюшон на свою голову.

– Давно. И, видимо, не предвидится...

Стоящие на остановке, услышав это пессимистичное замечание, злобно покосились на парней. Женщина с авоськой, полной мелких уцененных яблок, даже тоскливо вздохнула. Зябко поеживаясь под этими взглядами, Олег уныло спросил:

– А что же делать?

– Ты, Олег, как Чернышевский. Ставишь просто неразрешимые вопросы...

Алешин дернул плечами. Несколько дождевых капель попали ему за воротник. Оглядевшись, он направился к невысокой оградке, перелез через нее и оказался на проезжей части. Олег двинулся следом, но тут из-за поворота торжественно выехал автобус. Стоящие на остановке победно посмотрели вслед отошедшим, перегруппировались, напряженно застыли и приготовились брать штурмом «Икарус».

Но тот, весь утыканный красно-зелеными огоньками, блестя мерседесовским кружочком, содранным с какой-то несчастной посольской машины, прокатил мимо них. В салоне покатывались со смеху две размалеванные девицы в телогрейках. Они махали руками, корчили рожи, курили. Ошарашенная остановка взорвалась негодованием. Прапорщик метнул в удаляющи-

еся огни свой чемоданчик. Кейс от удара о бампер раскрылся, в лужу посыпались сплюснутые рулоны туалетной бумаги и пакет не то с сыром, не то с оконной замазкой...

Тем временем Олег догнал Алешина на другой стороне дороги:

– Видал, какие девочки проехали? Нам бы тоже кого-нибудь прихватить. Я обещал Катьке, что приду с компанией. А помнишь вчера, та девчонка на «Новослободской», чуть на нас не клюнула.

– Да господь с тобой, – отмахнулся Алешин, – она вся в «кожу» была одета и смотрела на тебя будто куклу склановец на цветного, а ты все про погоду болтал, про Пикассо. Ее сапоги знаешь сколько стоят? Как твой ящик. У тебя какой телевизор?

– Черно-белый. «Темп».

– Ну, значит, как два твоих ящика...

Они свернули на другую улицу. Дождь усилился. Сквозь его пелену тускло проглядывали сигнальные огоньки Останкинской телебашни. Мимо медленно проехала поливальная машина. Упругие пенящиеся струи хлестали асфальт, сметали дождевые лужи и тут же занимали их место. Водитель бессмысленными глазами следил за «дворниками», мотающимися по лобовому стеклу, и вялыми движениями подправлял руль. «Поливалка», поднимая облако брызг и желтой, опавшей листвы, развернулась посреди улицы, не обращая внимания на гудки торопящихся легковушек, и покатила в обратную сторону.

Редкие прохожие, испуганно прижавшись к сырým стенам домов, закрылись зонтами и сумками.

Алешин обреченно поддернул промоченные брюки, пожал плечами:

– Странная машина. В дождь поливает...

– Да, сегодня вечером прет сплошной сюр. Сюрреализм... Слушай, Денис, а откуда ты узнал, как надо идти от остановки, ты ведь никогда у Кати не был? Ты же ее едва знаешь...

– Ошибаешься, браток. Я с ней якшаюсь уже пять лет, и у нее от меня уже три ребенка. Все слушатели Суворовских училищ, между прочим.

– Ты что, шутишь?

– Почти.

– То есть как?!

– Дорогой товарищ-мавр Отелло, как писарь батальона пластунов генерала Улагая заявляю: я шел в этом направлении исключительно потому, что ваше превосходительство меня не останавливало. «Эрго», как говорят народы Полинезии, что в переводе с латинского означает «следовательно». Так вот, следовательно, я ее знаю настолько, насколько могут знать друг друга студенты, которые учатся в одном институте, по одной специальности, но в разных группах. Устраивает вас... такой вариант? Сэ-э-эр.

– Угу...

– Чудесно!

Неожиданно из темноты переулка вынырнула «Волга» с частным номером. Олег шархнулся в сторону, зацепился носком за выбоину в мостовой и рухнул на чугунную решетку ливневого стока в мутную воду неопределенного цвета. Машина резко затормозила. Пронзительно завизжали тормоза, и бампер почти уткнулся в колено Дениса. Он, нервно покусывая губу, обошел «Волгу», помог Олегу подняться, и они быстро двинулись в переулок. Водитель, седой мужчина, некоторое время отходил от шока, уткнувшись лбом в рулевую баранку. Наконец он вытер холодный пот и высунулся над опущенным стеклом:

– Придурки! Разуйте зенки... Уроды! Вашу мать!

Денис резко обернулся:

– Когда не дает жена, нужно ездить осторожнее. А что поменял колодки на передних колесах, хвалю. Auf wiedersehen, mein lieber Freund!

Мужчина поперхнулся, будто проглотил кость, и поспешно вырулил на освещенную улицу. Видно было, как он украдкой оглядывался, перед тем как скрыться из вида.

Олег изумленно усмехнулся:

– Да, здорово ты его отшил. Без мата, без крика. Культурненько. Но постой...

– Стою. Кстати, нам еще долго топать? – Денис свернул трубочкой окончательно раскисший «Новый мир», посмотрел на него и с раздражением выкинул.

– Да нет... подожди... Так ты, выходит, знал, что он колодки поменял?

Алешин как-то странно посмотрел на Олега, вздохнул и вместо ответа стал отряхивать его залепленную грязью одежду.

– Гляди, как ты здорово вывалялся. Настоящий колхозник в разгаре работы в авгиевых конюшнях.

– Ой, да. Как же я теперь пойду. Я весь в г... не.

– Ну и что? На твоих «танковых чехлах» этого г... на не видать. Совпадает с общим фоном. Пошли, я уже утомился бродить по этим трупам.

– Тебе хорошо. Ты сухой. А я весь мокрый, липкий. С меня, наверное, в прихожей капать будет. Вот позор-то...

– Ничего, перетерпишь. В армии, что ли, не служил?

– Ну и не служил...

– Да я и без тебя знаю.

– Все-то ты знаешь. Но я же не виноват, что из нашего института не берут.

– Виновен, виновен и еще раз виновен, – Алешин рассмеялся, – ты был просто обязан уйти в армию сам и добиться, чтобы за тобой сорвались все остальные, включая девочек, профессорский состав, бабушек-гардеробщиц и дедушек-вахтеров. Тебе нет оправдания.

– Ты что, серьезно?

– Конечно. Вот мои дети, слушатели Нахимовского училища...

– Э-э...

– Секундочку. – Денис протиснулся между дурно пахнущими мусорными баками и оказался в гулкой подворотне. Под ногами заскользили гнилые корки сентябрьских арбузов.

Козырев догнал его, поскользнулся на вязкой склизе, поморщился и зажал пальцами нос:

– Я что-то тебя никак не пойму...

Денис схватил Олега за ремешок сумки, заглянул в лицо, слабо освещенное горевшими во дворе окнами:

– Да что с тобой? Ты реагируешь как дерево на любой юмор, сложнее анекдота про Штирлица: «Штирлиц выстрелил в упор – упор упал». Ты что, равнодушен к этой даме, к которой мы держим путь?

– Очень даже равнодушен. Ни разу ее не вспомнил, пока шли...

– Ну и хорошо, не дуйся, брат!

– Мы разве братья?

– Вот зануда! – Денис досадливо взмахнул руками. – Все люди по Адаму и Еве братья и сестры. И мы тоже. Уловил? Ну ладно, баста «кози», как говорят жители Чукотки, что в переводе с итальянского означает «хватит». Хватит, значит, занудствовать. Пришли, что ли?

– Угу...

Они быстро пересекли двор и начали подниматься по выщербленным, протертым ступенькам.

В подъезде оказалось абсолютно темно, хоть глаз выколи. В воздухе витали запахи плесени и густой пыли. Олег чихал и вполголоса чертыхался на свою мокрую одежду. Денис медленно переставлял ноги, ощущая, как от кончиков пальцев ползет к голове и ширится тяжелая, покалывающая малюсенькими иголочками «волна». Через мгновение у него в висках упруго застучал пульс.

– Опять усиливается... – прошептал он.

– Что ты шепчешь? Что усиливается? – Олег дернул Дениса за рукав.

– Ничего... – Алешин в раздумье остановился у одной из дверей, обшитой грубым дерматином.

– Вот в этой квартире вчера сдохла собака, – неожиданно прошептал он.

– Тьфу ты! – Козырев раздраженно плюнул себе под ноги. Денис же весь напрягся, остановился, загоня разрастающееся «ощущение» вглубь, подавляя его диким напряжением воли. На лбу выступила испарина, мелко застучали зубы. Он до боли прикусил язык, перед глазами вспыхнули искры. Вроде подействовало. «Волна» откатила обратно, оставляя за собой щемящее чувство пустоты, напоминая о себе легким покалыванием под сердцем. Денис дрожащими пальцами выудил из куртки мятую пачку «Примы», полез в нее, но та порвалась, и сигареты веером раскатились по ступеням. Одну он все же уцепил. Сверху послышался голос Олега:

– Эй ты, что там застрял. Иди сюда.

– Сейчас, только прикурю.

– Да здесь покуришь!

Алешин стал искать спички, не нашел и со вздохом сунул сигарету за ухо. Шагая вверх, еще раз прислушался к себе. Кажется, внутри все утихло. Он облегченно расслабился и взглянул вверх. Олег уже стоял на площадке четвертого этажа, перегнувшись через перила:

– Смотри, какая лампочка.

Тусклая лампочка без плафона неровно мигала, на доли секунды освещая облупленные стены и выбитую плитку на полу. Алешин с усилием улыбнулся:

– Лампочка трахается со своим патроном. Шефом, так сказать.

– Тьфу ты. Опять твои шуточки...

Денис озабоченно пошевелил припухшим языком:

– Не плюйся. Видишь, какая чудная романтическая ночь... Сейчас свою Катюшу увидишь. Звони. Вот, наверное, ее квартира...

Дверь долго не открывалась. Звонок жалобно дребезжал, заглушаемый энергичной музыкой, бушующей внутри. Наконец им открыли. Алешин поморщился. На пороге стоял парень с длинными лоснящимися волосами, перехваченными вышитой тесемочкой. На еще никогда не бритой физиономии хаотично торчали клочки черной щетины.

Он посмотрел сквозь вошедших и исчез на кухне. В узкой прихожей, заваленной одеждой, обувью и сумками гостей, мерцала лампочка. Из-под желтого абажура она высвечивала поблекшие обои, вспученный паркет и протертый половичок. Олег ошарашенно оглядел кучу вещей:

– А я думал, нас будет человек пять, от силы...

Алешин усмехнулся, стащил туристские ботинки, куртку, наконец закурил «Приму» и стал с тоской наблюдать за приятелем, который, вынув из сумки нечеткую копию «Жука в муравейнике» Стругацких, смущенно поправлял целлофан на квелом букетике. Денис почти физически ощутил, как промокшие штаны прилипают к коленкам Олега, как неловко тот себя чувствует, как роятся варианты первой фразы в его голове...

Из полутемной комнаты, где смотрели телевизор, вынырнула крупная девушка с потным, блестящим лицом.

Она холодно взглянула на штопанные носки Алешина и проследовала на кухню, чиркнув по дверному косяку громадным задом, затянутым в джинсы.

– Та-а-ак... – Смущенный Олег вымученно улыбнулся и подался вперед. Ему навстречу из кухни снова появилась девушка с потным лицом. Пронесла мимо Олега тарелку с куском бисквитного торта и скрылась в комнате, где смотрели кино. Денис взглянул на приятеля, которого пробирала дрожь. Да... такого убитого взгляда он давно у него не видел.

Затянувшись последний раз, Алешин забычковал сигарету о металлическую ручку туалетной двери и машинально кинул в чей-то красный сапог. Затем решительно распахнул дверь и вошел на кухню:

– Катюш, поди, на пять секунд!

Она действительно была здесь. Крутила колки гитары, ловко ее подстраивая. Музыка в соседней комнате стихла – видимо, меняли кассету. В неожиданно прорвавшейся тишине печально задребезжала лопнувшей обмоткой басовая струна.

Рядом с Катей сидел парень в рубашке цвета хаки, расшитой шевронами, лычками со множеством погонных звездочек и годовых курсантских нашивок. Он нагло поглядывал вокруг, поглаживая при этом хозяйку по спине. За столом сидело еще несколько человек, в том числе тип, который отворял входную дверь. Все они вяло жевали остатки курицы и делали коктейли. В спирт «молодцы» примешивали «Тархун» и оценивающе взбалтывали ядовито-зеленое пойло.

Катя посмотрела на Дениса, поправила бретельку лифчика и нерешительно поднялась, передавая гитару дружку. Тот сделал «проницательное» лицо и развязно проямил:

– А ты кто?

Еле сдерживая непонятно откуда подступившую ярость и раздражение, Денис, немного манерничая и передразнивая спросившего, ответил:

– Я кореец туркменского происхождения Шу-У Ким.

Парень озадаченно взял паузу. Катя же, осторожно обойдя Шу-У Кима, увидела в прихожей поникшего Козырева.

– Привет, Олежка. Что опоздал?

– Почему опоздал? Ты же сказала – ровно. А сейчас без трех минут... – Олег судорожным движением сунул ей в руки цветы и книжную копию: – С днем рождения тебя...

– Спасибоочки. А что твой дружок, кореец с голубыми глазами, мне ничего не подарит?

– Я подарю, подарю. Только позже. Если ты захочешь... – жестко и нагло сказал Денис. Однако при этом он покраснел, чувствуя, как ее любопытный взгляд скользит по его широкой груди, мощным бедрам и выпуклым ягодицам, отражающимся в пыльном зеркале прихожей.

Пауза несколько затянулась. Наконец Олег запинаясь вымолвил:

– Знакомьтесь. Это мой школьный друг Денис Алешин. А это Катя, моя давняя знакомая. Хотя... вы, наверное, знаете друг друга?

– Ой, так ты не кореец. Кто бы мог подумать! Ай-ай-ай, конечно знаем мы тебя: студент, который ни на одной лекции еще до конца не досидел, верно, а? – Она засмеялась и положила подарки на кучу сумок. Гвоздики зашуршали мятым целлофаном и съехали на грязный паркет. Олег нагнулся, но Денис схватил его за руку:

– Это теперь не твои цветы. Не трогай!

Девушка фыркнула и, прислонившись к стене, случайно нажала на клавишу выключателя. Олег злобно отмахнулся от Дениса и положил цветы на место. Тот лишь покачал головой и направился в комнату, где работал телевизор. Хозяйка, неоправданно долго нашаривая выключатель, не посторонилась, и он проехался плечом по ее выставленным грудям. Она улыбнулась, включила свет, приподняла край обтягивающей желтой юбки и стала подтягивать колготки. Олег жадно следил за движениями красных ногтей, проворно цепляющих черный нейлон.

Катя поймала восхищенный взгляд, выпрямилась, поправила прическу и кокетливо спросила, глядя Козыреву прямо в глаза:

– Олежек, умница, ты мне не откажешь?

– Ни за что на свете!

– Леша свернул кран в ванной. Бесперывно хлещет горячая вода. Брызгает на пол. Там уже целый потоп. Сделай с этим что-нибудь. А то послезавтра вернутся предки... «Фазер»

будет метать молнии. Инструменты ты знаешь где. Ты ведь не подведешь меня? Правда? – Она потрепала его по щеке.

– Конечно!

Оставив Олега, Катя побежала на кухню, быстро сделала растворимый кофе и понесла в комнату, прихватив заодно тарелку с пирожными. Парень с нашивками схватил ее за юбку, но девушка дернула бедрами:

– Успокойся, у тебя никто ничего не отнимает...

Волосатый, морщась от проглоченного зеленого коктейля, резонно заметил:

– Это при условии, если псевдокореец не поддастся на чары. Правда, гвардеец?

«Нашивки» злобно обернулись, закусили губу и, в упор смотря на Катю, прошипели:

– Я его моментально урою...

Девушка в ответ презрительно усмехнулась:

– Сурков Алексей – вот за что я тебя недолюбиваю, так это за беспочвенные заявления...

– Посмотрим...

Катя ничего не ответила и зашла в комнату, где смотрели телевизор.

Шла третья серия «Место встречи изменить нельзя». Жеглов как раз поймал в Большом театре Ручечника и раскручивал его. Хозяйка прошла между сидящими на полу и на стульях гостями, в поисках Алешина. С тарелки кто-то схватил безе, засмеялся. Она с досады пнула смеявшегося идиотским смехом пьяного парня и наконец увидела Дениса.

Он сидел под торшером, листал взятую со стеллажа книгу, посматривая краем глаза на экран. Катя поставила чашку и оставшиеся пирожные на журнальный столик, села рядом в глубокое, мягкое кресло, заложила ногу на ногу:

– Угощайся, кореец.

Тот взглянул на нее, задержался на трусиках, выглядывающих из-под задравшейся юбки, усмехнулся:

– Если б я мог предвидеть такой прием, то пришел бы на день раньше или на день позже.

Она неожиданно покраснела. Поправила юбку:

– Чего читаешь?

– Ремарка.

– Три мушкетера?

– Почти. «Трех товарищей»

– Да, да. Я это и имела в виду. Если хочешь, возьми ее.

– Нет, спасибо, у меня есть. К тому же это довольно пошлый повод снова встретиться.

Она опять покраснела:

– Ну ладно, ладно, кореец. Ты пей кофе, оно уже остыло...

Алешин отхлебнул из чашки:

– Вот именно что «оно». А что ты крутишь с Олегом? Он же тебе безразличен.

– Так, по старой памяти. Долго ходил за мной, звонил, плакался, но это не мой вариант.

– А кто твой вариант, если не секрет? Тот парень-милитарист, грудь в орденах, задница в шрамах?

– Сурков, что ли, Леха? – Катя покачала головой. – Да он немного пришибленный. Его даже в армию не взяли. Четыре операции на желудок. Отец умер год назад. В Чернобыле саркофаг строил...

– А у парня что, язва?

– Точно. Есть почти ничего нельзя. Кроме того, он...

– Импотент?

– Точно... А ты откуда знаешь?

– А ты откуда?

Катя поперхнулась пирожным, закашлялась. Хотела вскочить, но Денис, положив ладонь ей на колено, остановил ее:

– Не придавай значения моим словам... Я просто предположил, что его папаша нахал в зоне «звонящих» радиоактивных вещичек. Ну, там, магнитофонов, мясорубок, шмоток, может быть машину и привез сюда, дав на лапу дезинфекторам. А мальчик-то с ним в одной квартире жил, да и на машинке катался.

– Да, у них «Волга». Черная. Вон на улице стоит.

– Не советую тебе в ней ездить без свинцовых трусиков, можно потерять радость жизни. Машина, наверное, излучает как боеголовка СС-20.

– Ага, понятно. – Катя разочарованно убрала руку Алешина со своего колена. – Завидуешь, значит?

– Кому? – Денис опять положил свою руку на то же место. – Медленно умирающему водителю черной «Волги», который смотрит радиоактивный видеоманитофон и спит на чернобыльских пуховых подушках? Вот уж нет.

– Значит, тому, что Сурков со мной.

– А он и не с тобой.

– Слушай, откуда ты все знаешь? – Теперь Катя взяла руку Алешина в свою и крепко сжала. – Ты что, нами интересовался?

– Нет, я про вас кино смотрел. Документальное.

– Да? Как интересно.

Она цокнула языком и кисло улыбнулась:

– Куришь, кореец?

– Балуюсь...

– Кури, кури. Можешь здесь. Сигареты есть?

– В куртке.

– Понятно.

Катя приподнялась на подлокотниках:

– Леня, Неелов... Поди сюда.

От экрана оторвался здоровяк с туповатой, но лукавой физиономией, подошел, подергивая затекшими ногами, и навис над девушкой:

– Что прикажете-с?

– Не паясничай. Дай вон Денисику закурить.

– Прошу-с. – Леня протянул пачку лицензионного «Мальборо», пряча под ладонью русскую надпись «Минздрав СССР предупреждает: курение опасно для вашего здоровья».

Алешин взял галантно выдвинутую сигаретку и выжидательно уставился на здоровяка. Тот хмыкнул, извлек из кармана вельветовых штанов зажигалку и наставительно сказал:

– У мужчины всегда должны быть с собой спички и другие элементы джентльменского набора.

– Ну, значит, я не настоящий мужчина, а игрушечный. – Алешин, прикуривая, усмехнулся. Дениса взбесил этот туповатый парень, который, казалось, уже был готов распространяться о чем-то важном, распирающем его изнутри. И действительно, парень присел на ковер рядом с креслом девушки, покосился на красивую линию ее голени, закурил и начал неспешное повествование:

– Вот, Катюша, наконец представилась возможность спокойно пообщаться.

– Да, да, ты расскажи, как там твои туристические автобусы, битком набитые иностранцами, ночные поездки по «матушке Москве-реке», непринужденный треп и ты в качестве гида? Это, наверное, просто чудесно? – Девушка заговорщицки подмигнула Алешину, но тот будто и не заметил. Он массировал себе висок, пепел сыпался на его полосатый свитер ручной вязки.

Катя схватила толстый рукав свитера и капризно потянула руку Алешина на себя. Денис, рассеянно улыбнувшись, мягко высвободился.

Неелов же тем временем уже распространялся о том, что он теперь никакой не гид, а дилер конторы по продаже бытовых компьютеров. И как он в качестве этого дилера ездил в командировку в Армению. Особенно подробно он описал свой поход в ереванское кафе. Вот он светлый, высокий, весь такой русский, зашел в душное помещение, где было полно маленьких, черненьких армян, и, подойдя к стойке бара, скромно спросил по-русски чего-нибудь попить. И как он на секунду отвернулся, оглядывая затаившихся, враждебно настроенных людей, а повернувшись, увидел летящую в свою голову бутылку из-под шампанского. Естественно, успел пригнуться и, элегантно раскидав насевших коварных кавказцев, вырвался и побежал к гостинице. Те понеслись за ним кричащей, кровожадной толпой, которая по дороге обрастала все новыми и новыми мстителями. А он, дав швейцару полтинник и попросив не говорить, в каком номере остановился гость из Москвы, укрылся в комнате. Как потом ему пришлось всю ночь дежурить у своей двери, сжимая рукоятку ножа. Но все, конечно же, закончилось благополучно. Видимо, разъяренных армян остановил мужественный швейцар, или у кипящих жаждой мести ереванцев не нашлось достаточной суммы денег, чтобы перекрыть щедрые пятьдесят рублей Лени, или им вдруг очень захотелось спать и они заснули прямо у входа... Так или иначе, Леня спокойно покинул Ереван и теперь должен поехать в Среднюю Азию, где, по его словам, еще сильнее не любят русских, особенно таких, как он.

Катя постоянно поддакивала Неелову, улыбаясь уголками губ и теребя за руку своего нового гостя, который все больше и больше мрачнел. Наконец Леня, довольный произведенным эффектом, покинул их.

Катя некоторое время сидела молча, ковыряя красным ноготком обивку кресла и поглядывая на Алешина, который все больше менялся в лице, бледнел и мрачнел. А когда она открыла рот, Денис уже смотрел ей в глаза и, казалось, был готов ответить без ее вопроса. Девушка смутилась, но, потрянув длинными волосами, прошептала ему в самое ухо:

– Что ты заскучал, может, пойдем потанцуем? Или, если хочешь, сходим к моей подруге. Она живет этажом ниже и сейчас готовится к контрольной по какому-то там исчислению. У нее видео есть. Мы ее прогоним на кухню, а сами посмотрим что-нибудь из комедий или ужасов. Идет?

– Нет, мне нужно уйти... Придется.

Он резко поднялся, отбросил книгу и вышел, перешагнув через ноги, которые она вытянула на его пути.

Дверь в ванную была приоткрыта. Там над краном склонился Олег, клацая о прижимную гайку разводным ключом. Вокруг на кафельном полу валялись пакля, старые вентили, тубики и пластмассовые баночки шампуня, выпавшие из открытого шкафчика. Алешин прошел мимо, к туалету, напоминающему пенал. Закрыв унитаз крышкой и сел, обхватив голову руками. Но это не помогло...

В мозгу отчетливо звучало все, о чем говорили в комнатах и на кухне. Он слышал обрывки фраз то складные, то в виде разрозненных восклицаний.

Это были мысли.

Чужие мысли.

Их мысли.

Мысли оставшихся за дверью туалета.

Становилось страшно. Все тело ломило и покалывало.

«Волна» подкралась незаметно, пока он разговаривал с девушкой, усыпленный мягким светом торшера и ее удивленно-восторженными глазами. Он знал, что теперь ему не справиться с миллиардом маленьких иголок. Что теперь остается только одно – бегство. Иначе предстоит безумный вечер, когда он будет знать все, что сейчас скажет собеседник, и все, что он

при этом подумает про него или про других. И ему, Алешину, придется улыбаться или делать безразличное лицо, когда в его мозг будут врываться чьи-то завистливые выкрики, похотливые суждения и желания, дурацкие размышления и гнусные замыслы, перемешанные с пьяным бредом, полусонными галлюцинациями и видениями уснувших.

Он уже не сопротивлялся, и боли не было. Она вспыхивала, лишь когда воля начинала подавлять роящийся в его мозгу клубок чужих мыслей. И чем сильнее было противодействие, тем яростнее и беспощаднее разгоралась боль. Все, что ему нужно было сейчас, – так это забиться в какой-нибудь подвал или на чердак или примоститься на скамеечке в пустынном сквере.

Он уже знал, что железобетонные стены многоэтажек от чужих мыслей спасали лучше, чем старые кирпичные стены. Вибрация вагона метро была предпочтительней мягкого движения автобуса. А такси – наиболее выгодным для него транспортом. Водитель чаще всего был занят дорогой, реже деньгами или ногами какой-нибудь женщины на тротуаре. Других мыслей у него, как правило, не наблюдалось. Но все-таки самым лучшим местом был мост. На его спине не задерживались пешеходы, гонимые промозглым речным ветром. По нему быстро проносились машины и поезда метро. Только на мосту через Москва-реку Денис мог остановиться и прийти в себя.

Прийти в себя и осознать, что о себе он не знает ничего...

Он пробовал заливать водкой эти «всплески», этот «инфослой», эти «волны потока инородного сознания». Но сонм чужих мыслей превращался тогда в бездонные кошмары и его руки тянулись к лезвию бритвы, ноги приносили тело к распахнутым настежь окнам, а голова искала острые углы. После нескольких таких попыток, со вскрытыми венами, разбитым о бетон черепом и полумертвыми от ужаса родными, он совсем перестал пить спиртное.

Мосты. Лишь на мостах было спасение. Стоять у перил, смотреть на черную воду Москвы-реки и не думать ни о чем.

И поэтому, слив воду из бачка, чтобы не вызывать подозрение долгим пребыванием в туалете, он твердо решил сейчас же пойти на большой каменный мост у Кремля, на котором в это время и в эту погоду нет ни одной живой души. И только его гранитные опоры жалуются на свою жизнь холодной осенней реке.

Алешин резко распахнул дверцу и услышал, как кто-то отлетел от нее, повалился на вешалки и сполз на пол, увлекая за собой куртки и шарфы. Это был Леха Сурков, «импотент», сын умершего от облучения чернобыльца. Денис нацепил куртку, надел ботинки и быстро их зашнуровал. Сурков в это время поднялся и хмуро преградил ему дорогу к двери. Из кухни высунулось несколько любопытных физиономий. В ванной по-прежнему звякал ключами Олег. Леха стоял перед Денисом, широко расставив ноги. Через его могучие плечи смешно свисал чей-то цветастый платок с длинными кистями.

– Отстань от Катьки, ты, весельчак, а то убью!

– Брось дурить. Я не собираюсь ее насиловать. – Дениса охватил приступ ярости и раскаленного бешенства. Он стянул платок с плеч Суркова и кинул его, метаясь противнику в лицо. Но платок закачался на плафоне светильника. «Импотент» грозно двинулся вперед. Алешин опередил его, толкнув Суркова обратно на кучу упавших вещей, двинулся к выходу и случайно наступил рифленным каблуком на кисть лежащего. «Импотент» истошно закричал. Денис металлически щелкнув собачьей замка, с силой захлопнул за собой дверь. Не оглядываясь, стремительно скатился вниз, оставив позади себя шквал проклятий и возмущенные крики хозяйки. Сердце колотилось. «Не хватало еще покалечить кого-нибудь. Вот будет фигня...»

...Он бежал, не обращая внимания на лужи и холодный дождь. Бежал к Большому Каменному мосту, до которого было много темных закоулков и проваленных в черноту ночи московских проспектов...

Глава 2

Из дверей Центрального архива вышел невысокий, плотного телосложения человек в темно-синем плаще, черной шляпе с небольшими полями и тупоносых ботинках того же цвета. Щурясь, после темных архивных коридоров, на бледное небо, он стал спускаться по ступеням стиснув под мышкой кожаный портфель и вцепившись в шляпу, которую чуть не унесло порывом ледяного ветра. За его спиной тихо захлопнулась огромная имперская дверь с бронзовыми флагами на дубовых створках.

Уборщица, глядя через стекло, как посетитель подходит к новенькой черной «Волге» с голубыми шторками в салоне, отчего-то саданула шваброй об пол и покосилась на стрелка вневедомственной охраны и молоденького сержанта, лениво дремавших в холле возле кадки с фикусом:

– Ходят тут всякие в этакую рань, следят только...

Милиционер вяло кивнул, вынул из-за растения какой-то детектив в мягкой обложке и проложил его между холодной розовой гранитной стеной и своим коротко стриженным затылком. Через окно с фигурной решеткой сержанту хорошо был виден просторный двор, где уверенно развернулась машина, сверкнув никелированными деталями и свежей эмалью. Спугнув с асфальта несколько красно-желтых кленовых листьев, «Волга» вылетела в распахнутые массивные ворота.

Выворачивая с аллеи на широкий проспект, водитель обернулся к своему пассажиру:

– Василий Ефремович, куда ехать?

В этот момент замигала красная лампочка радиотелефона и человек на заднем сиденье, отложив портфель, в который собирался заглянуть, взял трубку:

– Ягов слушает... Нет, не отпускайте их, пусть подождут в приемной... Этот вопрос не ко мне, а к Мише.

Ягов поднял на водителя глубоко посаженные глаза:

– Через сколько будем в министерстве?

– Через двадцать минут, если ремонтники у «Ударника» уже убралась. Если нет, то позже...

– Вот Миша обещает через полчаса. Что говорят? Это их дело. – Он бросил трубку.

Машина рванула и зашуршала по асфальту, отстреливая колесами мелкие камешки. Ягов взял портфель, извлек оттуда несколько картонных папок с документами и потрепанную карту. Отвернув уголок карты, бегло просмотрел штамп. В его ровные графы с немецкой аккуратностью были вписаны готические буквы. Потом он пролистал документы. Везде был тот же готический шрифт. А сверху на жестком, обтрепанном картоне каждой папки явственно проступали оттиски самоуверенных орлов Третьего рейха.

– Вот олухи эти архивные, материалы дали не по описи и с карточками. Бери не хочу! – пробормотал сквозь зубы Ягов.

– Что вы говорите, Василий Ефремович?

– Ничего, Миша. Смотри за дорогой.

Ягов убрал документы, вынул записную книжку. Полистал, подобрал выпавшие оттуда мелко исписанные листочки и задумался, глядя на проносящиеся мимо дома.

Москва проснулась. Жители и гости города ежились от холода. Инженеры, врачи, учителя, рабочие коммунальных служб, маляры, слушатели военных академий, студенты, домохозяйки и цыгане текли по улицам мимо открывающихся парикмахерских, прачечных и булочных, ждущих утренний завоз хлеба. Люди скапливались у стоянок и остановок. К ним подкатывали уже переполненные троллейбусы и автобусы. Они вываливали у метро осатаневшую человеческую массу и, покачиваясь, словно рыбацкие баркасы, набирали новый груз,

чтобы, раскидав их по окраинам, развернуться и снова въехать в оживший город. Где-то уже намечались очереди, прохожие толпились у газетных киосков и табачных ларьков.

«Все и вся течет как река, толпа перестает быть толпой, становясь кровью уличных вен громадного мегаполиса. И в эту кровь, в эту толпу, как и в реку, нельзя войти дважды. В одну и ту же толпу – *нельзя войти дважды...*»

Ягов щелкнул авторучкой и, с трудом найдя свободное место в записной книжке, черкнул пришедшую на ум метафору.

– Надо же, как сложилось... В одну и ту же толпу... Замечательно.

– Что вы говорите, Василий Ефремович? – Водитель суетливо обернулся к своему шефу.

– Не отвлекайся, Миша. Смотри за дорогой.

– Да, да. Скоро уже будем на месте.

– Вот и хорошо... – Ягов взял трубку спутникового телефона, вмонтированного в подлокотник сиденья, и набрал номер. Вскоре трубка зарокотала низким мужским голосом:

– Ящуров у аппарата.

– Виталий Георгиевич, это Ягов беспокоит. Узнал?

– А, это ты, пропащая душа. Ну как съездил? Небось, замминистра оборонки в шикарное место поместили на отдых-то?

– Да что и говорить, санаторий знатный. Трубы центрального отопления и то латунные. Про сантехнику я уж не говорю. Так бы в ванной жить и остался.

– Да ладно прибуднаться. Твой скромный особнячок по Волоколамке я видел.

– Какой там, – Ягов усмехнулся и стал нервно тереть телефонный провод, – мой скромный домик по сравнению с богатством санатория детский сад! Ну бог с ним. Лучше скажи мне, а как там Леночка твоя? Как у нее идут дела?

– Тебе, Ефремович, спасибо, – на том конце телефона благодарно рассмеялись, – уже учится. Прошла конкурс как по маслу. Вот только дернули их сразу на картошку. Я говорю: «... заболей, дура, справка тебе будет». Но там товарищи разные, подружки, решила ехать. А ведь простудится. Я уже ректору звонил, чтоб весь курс не посылали. А он, гад, на каком-то там симпозиуме. Так я в этот колхоз, веришь, роту отправил. Уберут они все там моментом, и личный состав витаминами подкормится.

– Да, ты никогда не теряешься. А что Леночка поехала, так это даже неплохо. Не все ж ей на нас, пузатых стариков, любоваться.

Посмотрит, как народ живет, больше тебя ценить будет. Кстати, насчет роты... – Ягов вдруг заволновался, пот выступил у него на лбу, – от вашего управления в Белоруссии кто-нибудь работает?

– Конечно, мы по всему Союзу работаем.

– Ну да, ну да. А железнодорожников у тебя, Виталий Георгиевич, нет? Месяца на два...

– Ты что, решил от дома до министерства рельсы проложить, чтобы на светофорах не останавливаться?

– Нет, нет без шуток, я серьезно. – Голос Ягова стал вкрадчивым.

– Ну, если серьезно, то есть. Но все заняты по горло. Под Саратовом копаются. И медленно же копошатся, бездельники...

– А что они у тебя под Саратовом делают? – простодушно спросил Ягов. – Вот смех-то...

Виталий Георгиевич закашлялся, телефонная трубка забасила серьезно и хрипло:

– Не телефонный это разговор, вообще-то.

– Да брось, кому какое дело.

– Недооцениваешь ты «захребетников», Ефремович, – перебил Ягова хриплый голос, – у меня, например, весь кабинет слушают. Полностью.

– Ясенько. Ну да я просто так. Тут у меня к тебе по другому поводу разговор есть. – Ягов сменил тон и весело спросил: – Ты как насчет уток пострелять, а?

– Ясное дело, положительно. Кстати, ты уже давно обещал места показать.

– Ну, так я в пятницу тебе и позвоню, договоримся. Идет?

– Идет.

– У меня все, Виталий Георгиевич, до свидания.

– Всего доброго тебе, до встречи!

– До встречи!

Ягов раздраженно бросил трубку:

– И без тебя знаю, что слушают. Идиот!

Машина тем временем увеличила скорость. Водитель немного пригнул голову и с левого ряда резко выскочил на «нейтральную» полосу. Частники стали испуганно шаррахаться в сторону от быстро несущейся «Волги». Ягов прикрыл глаза, закурил и подался немного вперед:

– Миша, не гони так, угробимся.

– Хорошо, Василий Ефремович! – Водитель еще прибавил газу и улыбнулся – знал, что шеф любит бешеную скорость.

Предыдущий замминистра вместе с шофером разбился всмятку о военный грузовик, выскочивший на встречку. Ягов велел перевесить номерной знак с искалеченной машины на свою, а из кабинета запретил убирать фотографии семьи погибшего. При этом он полностью заменил паркет и деревянную обшивку этого кабинета. Да, были у него некоторые странности.

Шофер неожиданно затормозил и резко вывернул руль вправо. Завизжали шины. Ягов недовольно поморщился и огляделся. У кинотеатра «Ударник» копошились ремонтники. Они ленивыми, безразличными взглядами проводили черную «Волгу», которая, круто развернувшись перед изломанной красно-белой загородкой, ушла под мост на набережную.

Здесь мостовая была похуже, машину несколько раз сильно тряхнуло. Ягов покачал головой и посмотрел на часы:

– Миша, ты правда не гони так, чего-то меня мутит.

Ему действительно стало плохо. Голова с утра была тяжелой и затуманенной, а теперь добавилась и тупая боль в желудке. Он почувствовал, как неприятно заныло все его стареющее тело. Старость.

Она стояла за его спиной и смотрела в затылок мутными, немигающими глазами. Иногда притрагивалась, как бы прощупывала изнутри: то прищепит сердце, то займется почками, то ворвется в беззащитные клетки мозга оставленными дома ключами от сейфа, забытыми именами сотрудников, неотправленными телеграммами. Старость подкладывала Ягову молодых, неумелых женщин, с которыми приходилось долго возиться, теряя запал и силы. Или, наоборот, подсовывала чрезмерно темпераментных, рядом с которыми он ощущал себя «не оправдавшим надежды». Тогда он кидался к другим, опытным, умеющим ценить и понимать его. С ними все получалось как надо. Но они не были юными и цветущими. Они были его зеркалами, в которых он видел свои седые виски, глубокие морщины и отекавшие веки.

И тогда Ягов перестал есть острый венгерский сервелат, свиные отбивные с кровью, жирную осетрину горячего копчения, свой любимый зефир в шоколаде. Оставил в покое пиво, водочку после бани и столовые вина, сохранив за собой право лишь на небольшие вливания хорошего коньяка для стабилизации давления. Он заказал теннисные ракетки и нашел неплохой корт, на который выходил не менее двух раз в неделю. Он упорно сопротивлялся беззубой старухе – старости, теребящей его редующие волосы, но она только немного замедлила свои шаги. Она не отступала и продолжала напоминать о себе, врываясь в повседневные планерки, совещания и собрания; заставляла за бритьем, выглядывая из-за зеркала, беспорядочно скакала по ленте кардиограммы, мешала работать, думать, дышать и жить.

Машина затормозила. Ягов усилием воли прогнал прочь тревожные мысли, взял портфель, распахнул дверцу и вышел:

– Миша, никуда не уезжай, а то я знаю твои штучки по телефону: «...мол, здесь я», а сам девок катает в Медведкове. Ты мне скоро понадобишься.

Водитель кивнул и отогнал «Волгу» на стоянку, давая место другим черным машинам.

Ягов поднялся по гранитным ступеням и энергично толкнул входную дверь Министерства оборонной промышленности. В холле навстречу ему торопливо поднялся милиционер, козырнув из-за стеклянной перегородки. А от перил внутренней лестницы отделился молодой человек кавказской внешности в замшевом пиджаке и с пухлой папкой под мышкой:

– Василий Ефремович, здравствуйте. У меня к вам секундное дело, только одна бумажка, только одна...

Он вошел вместе с Яговым в лифт и услужливо нажал кнопку нужного этажа.

– Василий Ефремович...

– Вы кто? – раздраженно перебил его Ягов.

– Я Егиян, из «Васинкрафта». Вы, наверное, помните, советско-швейцарское предприятие, занимающееся лесом и другими сырьевыми делами...

– Это то, что находится на Кузнецком Мосту?

– Да, да, да, да... – Кавказец облегченно вздохнул.

– Нет, не помню.

Створки лифта беззвучно открылись, и замминистра зашагал по красно-зеленой дорожке коридора. Человек с папкой семенил следом:

– Василий Ефремович, только одна бумажка, только одна подпись... Кстати, телевизор, очень большой, уже приготовлен... – Егиян извернулся и забежал вперед.

– Что за ахинея, какой телевизор?

– Первоклассный, японский. Экран громадный, полупро...

– Вы что, помешались? – Ягов грубо перебил кавказца и уставился на него покрасневшими от злости глазами. – Вам здесь что, притон или склад магазина? Хотите, чтобы я вас выставил вон и заявил в прокуратуру, что представитель «Васинкрафта» пытался за взятку получить земельный участок на территории министерского завода? И потом, что вы думаете, у меня телевизора нет? Или замминистру он не положен? А бумаги впредь подавайте только в установленном порядке! Сначала на экспертизу в орготдел, а потом в секретариат. И тогда уж посмотрим. Все, чтобы я вас здесь больше не видел. А то засаду устроил... Абрек чертов!

Последнюю фразу Ягов проговорил уже в своей приемной, с удовольствием слушая быстро удаляющиеся шаги просителя. Из-за печатной машинки вскочила секретарша, сухопарая женщина лет сорока пяти с густо накрашенными ресницами и бледной помадой на тонких, плотно сжатых губах:

– Доброе утро, Василий Ефремович. Итальянцы уехали минут пять назад.

– Потом, Лида. Сделай лучше кофе. Покрепче. Много на сегодня записалось?

– Всего шестнадцать человек.

– Ну, это мы раскидаем. Начну через сорок минут.

Он краем глаза заметил, как разочарованно зашевелились на стульях ожидающие приема граждане. Со вздохом поддел торчащие из печатной машинки бланки и взглянул на секретаршу:

– Ну-ка, зайди...

Когда женщина закрыла двери кабинета, он набросился на нее, размахивая бумагами:

– Опять сама печатаешь? Целое машбюро держим. Опять бездельничают? Уволю всех подчистую. А у тебя, значит, лишнее время есть? Грейгеру позвонила? А Силину?

– Ой, забыла, Василий Ефремович.

– Немедленно позвонить и решить все вопросы! Меня подключишь в крайнем случае. А так меня нет. Уехал в главки. Плохо, что все забываешь. Как Верочка стала. Но у той по молодости ветер в голове. А вы-то зрелая женщина!

Секретарша опустила голову и закусила губу от обиды. Ягов, остывая, слегка потрепал ее по плечу:

– Прости, Лида, не так сказал, как хотел. А хотел не так, как надо. Все. Забыли. А где, кстати, эта попрыгунья? Почему наши ЭВМ не светятся? – Он показал портфелем на два компьютера «Атари».

– Она ненадолго отошла.

– По женским делам, что ли?

Секретарша почему-то покраснела и стыдливо отвела взгляд в сторону.

– Не знаю. А что вы подразумеваете под женскими делами?

– Ну ладно, не дуйся. Мы с тобой уже сколько лет вместе работаем?

– Семь скоро будет, Василий Ефремович.

«Черт возьми, уже семь лет прошло!» – Он почувствовал, как накатывается тоска. Тряхнул головой и махнул Лиде рукой:

– Все, работать!

Секретарша резко, как-то по-военному повернулась и, стуча каблуками, вышла. Только сейчас он понял, что она сегодня в его любимых колготках в мелкую сетку, со стрелками сзади.

Ягов бросил на диван шляпу и плащ. Под ним оказался несколько мешковатый двубортный пиджак и небесно-голубой шелковый галстук.

Положил портфель на стол, задев календарь на металлической подставке. Затем подошел к окну и в раздумье прислонился лбом к холодному стеклу, пахнущему средством для чистки и полировки.

Внизу хорошо просматривалась автостоянка. Возле старенького «мерседеса» стоял Егиян и, размахивая руками, что-то темпераментно говорил человеку, пытающемуся сесть в машину. Ягов неприязненно поморщился, вернулся к столу, вынул из портфеля документы и раскрыл их.

В этот момент раздался осторожный стук в дверь, и через мгновение в кабинет вошла молоденькая девушка в короткой юбке и тонкой белой блузке.

– Здравствуйте, Василий Ефремович, – сказала она тоненьким, немного робким голосом, – без вас уже было несколько факсов. Они там, в зеленой папке в верхнем ящике.

– Я понял. Привет, стрекоза! – Ягов кивнул и, наблюдая за девушкой, сел в кресло.

Она включила компьютер, вставила дискету. Села на стул и поправила юбку.

– Вера, ты вот что. Отодвинь-ка тот стул от себя в сторону.

Она толкнула стул и, вдруг вспыхнув до мочек ушей, поняла, что массивный, обитый зеленой тканью стул загораживал ее колени и открытую часть бедра. Ягов, увидев реакцию Веры, громко рассмеялся. Она его забавляла: трепетала под цепким взглядом шефа, всей кожей чувствуя его внимание, и с замиранием сердца ждала того момента, когда Ягов начнет приставать. Но ему было все недосуг. Кроме того, он больше всего ценил момент достижения цели. И чем дольше оттягивал наступление этого момента, тем слаще его потом ощущал.

У окна затарахтел принтер. Вера оторвала бумажную полосу, положила шефу на стол. Это был список неоконченных дел. Поездку в «Мосспецстальпроект» по поводу нелепых ошибок в сметной документации на реконструкцию Подольского завода Ягов решил отменить. А вот переговоры с Челябинском про оборудование в зачет прошлогодних поставок отложить, скорей всего, не удастся.

– Верочка, с Челябинским компрессорным есть связь?

Девушка приникла к сине-зеленой таблице на экране ЭВМ, внимательно ее изучила и через минуту ответила:

– Василий Ефремович, с Челябинском факсовой связи нет.

– Никак не обзаведутся. Провинция.

Ягов нехотя надавил на клавишу селектора:

– Лидия Марковна, закажите разговор с компрессорным заводом.

– По поводу воздухопроводов и гибких вставок? – прошипел динамик селектора.

– Именно.

Ягов приподнял архивные папки, лежащие орлами вниз, и взглянул на Веру:

– Будь добра, сходи к Борису Николаевичу, возьми документы для меня, потом в отделе размножения уточни, смогут ли сделать дубликаты этих бумаг. И возьми у завхоза несколько фирменных папок, скажешь, я просил. Все поняла?

– Да, Василий Ефремович, а что за документы?

– Там разберешься. – Ягов вдруг сделал серьезное лицо и шутливо пригрозил: – Иди и с пустыми руками не возвращайся, а то папе пожалуюсь, и он тебя отшлепает. Как он, кстати, поживает?

– Ничего. Недавно был на встрече одноклассников. Говорит, мало человек пришло, и что вами кто-то интересовался.

– Да, классец наш дружным не был. Все врозь держались. А кто интересовался? Мужского пола али женского?

– Не знаю. Ну, я пойду? – Вера опустила глаза на карту, угловой штамп которой был закрыт рукавом пиджака шефа.

– Да, да. Ступай!

В дверях девушка столкнулась с секретаршей, которая несла на подносе турку с дымящимся кофе и небольшую чашечку:

– Ой, Лидия Марковна...

– Не спи на ходу.

Секретарша поставила поднос на длинный стол для совещаний.

– С Челябинском связи нет, – отчиталась она, – повреждение на линии. Починят только к семи.

– Что у них там, белобандиты орудуют, что ли? – раздраженно ругнулся Ягов. – Постоянно поломки, чертова страна! Грейгеру дозвонилась?

– Да. И ему и Силину. Оба согласны на условиях, о которых, по их словам, вы знаете.

– Ну хорошо. Готовь письмо в банк на оплату счетов. И вот еще что. Когда пойдешь в бухгалтерию, найди там Зудину. Стол ее второй от окна. Выведи в коридор и скажи, пусть припрятает балансовый отчет и потом передаст мне лично. Но не исправленный, а тот, где не сходится. Естественно, об этом не распространяйся. Все ясно?

Ягов нетерпеливо теребил указательным пальцем корешки немецких папок, в которые никак не мог залезть.

– Все поняла, Василь Ефремович. Сделаем.

Секретарша поправила носком туфли задравшийся уголок ковра и вышла, тихонько закрыв дверь, в проем которой уже заглядывали утомленные лица очередников из приемной. Наконец замминистра остался один.

Ягов потыкал в пожелтевшую бумагу карты двухцветным карандашом, всмотрелся в значки, обозначающие смешанный лес, ниточки и узелки железнодорожных путей, и обвел кружочками странные квадратики и таинственные зигзаги, нарисованные кем-то от руки. Потом он еще раз внимательно прочитал текст, сверяясь с карманным немецко-русским словарем.

Ошибки быть не могло. Место, отображенное на карте, находилось где-то южнее Ковеля. Жирная черная стрелка упиралась в верхний край листа, вдоль нее размашисто было написано: «На Ковель». Другая стрелка была тоньше и синего цвета. Она уходила в нижний край карты,

имела подпись «На Ро...» и обрывалась вместе с куском бумаги. Главной же зацепкой была небольшая речушка, а на ней отмеченная глубина и пунктиром выделенные броды с россыпью крестиков вокруг. Что они означали, было непонятно. Условных обозначений на карте не было, каких-либо подписей тоже. Но хорошо читалось название реки Стоход. Это было существенно.

Ягов выдвинул верхний ящик стола и вынул папку с факсами. Потом пошарил в других ящиках и, не найдя того, что искал, раздраженно нажал на кнопку селектора:

– Краменков! Краменков, вы меня слышите?

– Он отлучился, товарищ замминистра. Это Мельник, его заместитель.

– Мельник! Очень хорошо. Принесите мне атлас железнодорожных путей европейской части СССР.

– Отдельного нет. Только смешанный. Вместе с автодорогами. Нести?

– Естественно!

Ягов потер стучащие виски. Изнутри поднималась глухая злость на все. Мозг работал с явным перенапряжением.

«Южнее Ковеля, южнее... Интересно, это далеко от Бреста?... Не дают олухи сосредоточиться, придется, видимо, оставить до вечера. Но как не хочется откладывать, так дьявольски и подзуживает, где-то здесь решение, где-то здесь...»

В кабинет, запыхавшись, ворвалась Вера:

– Василь Ефремович, вас Борис Николаевич вызывает, срочно!

Ягов ударил по столу кулаком:

– Что за чушь, почему он не позвонил сам?

В животе неприятно засосало. Министр никогда не звонил лично, если предстоял каверзный разбор. Он всегда вызывал к себе через кого-то, начиная таким образом психологически давить еще до того, как жертва пересекала порог его обширного кабинета.

Ягов не мог сообразить, в чем дело. Еще позавчера они вместе сидели, завернувшись в мягкие простыни, жевали хрустящие креветки, а банщики сновали туда-сюда, поднося разносолы и выводя из парилки разморенных, умиротворенных старых знакомых. Специально приглашенный пародист, подогретый солидным подарком, лез из кожи вон, подражая политикам, актерам и певцам.

Ягова тогда подташнивало, зверски болела печень, но он улыбался, пил консервированное пиво, отдающее жестяной банкой, острил, заглядывая в довольные глаза министра. Но это два дня назад, в бане, а сейчас...

– Черт побери, дергает как мальчишку!

Затренькал городской телефон, в нервно сорванной трубке задрожал женский голос:

– Это вы? Арушунян звонил, у него какие-то напряги. Просил поскорее встретиться.

Ягов побагровел, зло крикнул:

– Ты что, обалдела сюда звонить, дура! Идиотка!

Он с раздражением бросил трубку, быстро сложил карту, спрятал ее в сейф и, кивнув Верочке, вышел вместе с ней в приемную.

Там, закрывая на ключ дверь своего кабинета, он, не глядя на ожидающих посетителей, произнес:

– Очень сожалею, товарищи, занят. Неотложные дела. Сегодня принять не смогу, приходите завтра. Письменные предложения оставьте у секретаря. Я ознакомлюсь с ними, как только будет время.

Затем он быстро вышел из приемной, задев плечом щуплого человека в очках, не успевшего посторониться. Тот, крутанувшись на месте, выронил портфель, из которого просыпались бумаги, и виновато прошептал:

– Простите...

В коридоре у окна стояла поникшая Верочка, крутя наманикюренными пальчиками сигаретку. Через открытую форточку ворвался шум начинающегося дождя, потянуло сырым сквозняком. Ягов посмотрел в окно, несколько раз с силой вдохнул и выдохнул. Затем с минуту постоял с закрытыми глазами. Это его успокоило. Он решительно зашагал к лифту, уверенно ставя ногу на каблук и внутренне готовя себя к неприятному разговору. Впрочем, Ягов знал, что ничего серьезного ему не грозит. Слишком прочно было его положение в этом здании с длинными коридорами, бесчисленными кабинетами, скоростными лифтами и вечными сквозняками.

Глава 3

Недалекие древние горы будто еще постарели. Это солнце, опустившись до своего предела, высветило почти все их глубокие расселины. Горы – мощные, величественные, уверенные – теперь походили на вылепленные из потекшего теста, рождественские куличи. Их склоны стали похожи на сморщенные руки умирающей старухи. Влекомые мощным ветром в сторону Пакистана, по небу быстро неслись плоские, вытянутые облака. Подкрашенные красно-оранжевыми тонами, они редкими цепочками уходили за вершины. Казалось, что если подняться на перевал, то эти облака можно будет достать рукой...

Внизу ветер был не так силен, но он временами поднимал в воздух маленькие завихрения пыли и тащил их вместе с песочной поземкой по спинам и затылкам людей в пятнистых камуфляжных комбинезонах. Спецназовцы лежали на животах вдоль гряды мелких камней, создававших что-то вроде естественного бруствера. Некоторые из бойцов дремали, другие или тихо переговаривались, или скучали, изредка бросая взгляды на развалины глинобитного дувала, громоздящегося между ними и подножием хребта.

Командир отряда оторвался от двенадцатикратного бинокля, нацеленного в горы, оглянулся на цепочку бойцов и тихо приказал:

– Сарычева и Митрохина ко мне.

Команда поползла по цепочке, откликнувшись несколькими приглушенными голосами. Вскоре неслышно подползли вызванные.

– Товарищ подполковник, лейтенант Митрохин и Сары...

Подполковник зашипел:

– Да тише вы, горлопаны. – Затем он посмотрел на лежащего рядом капитана и передал бинокль ему: – На, капитан без корабля, понаблюдай... – Подполковник устало потер глаза и обернулся к лейтенантам: – Ну а к вам, ребята, у меня разговор особый. Значится, так, Митрохин, ты старший. Пойдете в развалины, будете сидеть там тихо, как совы днем. Мимо вас должен пройти посыльный. Если увидите за ним хвост, без шума и пыли «срежьте» его. Врубались?

– Так точно, товарищ подполковник...

Митрохин, замаявшись, зачем-то нервно поправил автоматный рожок в кармашке на обивке бронезилета.

– Ну что, лейтенант, в училище не научили вопросы задавать?

– В училище учили в основном их решать, товарищ подполковник.

– Ну вот и хорошо. И ничего не перепутайте, чертовы головорезы. Все. Исполнять!

Подполковник перевернулся на другой бок, вытащил спички и стал ковырять в зубах. Лейтенанты, приподнявшись, оглядели пространство, лежащее перед ними, и бесшумно двинулись к руинам. Через несколько минут они добрались до развалин дувала и растворились в тени, как призраки. Подполковник тем временем закончил ковыряться в зубах и собрался откинуть спичку щелчком, но опомнился, сунул ее в карман, где уже лежали два окурка и целлофановая обертка от гранулы стимулятора. Приподнявшись над цепью лежащих бойцов, командир захрипел громким шепотом:

– Еще раз напоминаю, товарищи офицеры, ни одной соринки. Ни одной.

Капитан посмотрел снизу вверх на подполковника и сунул бинокль соседу справа:

– Марлин, наблюдайте за склоном в районе седловины. Обо всем замеченном немедленно докладывайте.

– Есть! – Марлин приник к биноклю, подкручивая резкость.

– На заднице шерсть, – в рифму сострил подполковник и надвинул берет капитану на глаза, – перепоручил мои зыркалки салабону, а вдруг он их разобьет?

Капитан поправил берет без опознавательных знаков и неуверенно улыбнулся:

– Ты что, Семеныч, да лейтенант Марлин уже два ордена умудрился схлопотать, пока ты в Москве кантовался и дырочки на погонах готовил, а ты говоришь... Слушай, что это ты из-за какой-то стекляшки на меня баллоны катишь?

Подполковник заржал как жеребец, прикрыв рот пыльной ладонью:

– Вот, балда-то. Хмелев, ты меня убиваешь. Разве можно так сердиться. Ты же не первый год меня знаешь. На подготовке вместе коптились, в гости, в отпуска друг к другу ездили, и до сих пор ты не можешь отличить, когда я шучу, а когда говорю серьезно. Леха, ты что?

– Да черт тебя разберет, – насупился Хмелев.

– Ну ладно, а откуда у этого малого «железка»?

– У Марлина-то? А бог его знает. Мы тогда отдельно ходили. Сам он не распространяется. Наверное, по линии разведки было дельце, а там обычно предупреждают, чтобы держали язык за зубами. Ну да ты знаешь. И черт с ним вообще. Ты мне лучше скажи, что мы здесь делаем? Какого хрена мы этого «почтальона» встречаем? Что, он сам дойти не мог?

Подполковник, вздохнув, потер кулаком подбородок:

– А черт его знает, Леха. Знаю только, что тащит он какую-то бумагу, зверски важную и зверски секретную. Непонятно только, почему нельзя ее было переправить с диппочтой или по спутниковой связи. Все равно наверняка зашифрована в несколько слоев.

Тем временем солнце садилось все ниже, быстро сгущались сумерки, потянуло свежестью. Большие муравьи торопливо тащили к спрятанному под камнями муравейнику умерщвленных и полуживых насекомых. Хмелев смахнул двух муравьев, по ошибке влезших на его рукав, где они бестолково металась в поисках потерянного направления:

– Мураши где-то рядом квартируют, значит, и скорпионы поблизости. Меня от этой мрази дрожь пробирает. Когда каблуком давишь, такое ощущение, что сейчас поднимешь ногу, а он на тебя бросится цел и невредим. И ты стоишь, размазываешь его, а по спине холодок...

– Это у тебя, Леш, нервы не в порядке.

Подполковник понимающе покачал головой:

– Воображение играет. Что может сделать скорпион под подошвой? Только сдохнуть. Вот, например, что может сделать жаба бабе? Ничего. А она в визг, в сопли. А ведь жаба даже укусить не может, не то что этот гад. Помню, на прошлой неделе ждали вертушку. Сидим на ящиках. Вдруг один медик начал чесаться, ковыряться в штанах и вынул оттуда здоровенного скорпиона. Его чуть удар не хватил. Скорпион, оказывается, у этого придурка-медика с утра ползал в складках одежды, зудел и чесался. Представляешь себе? Сел бы пацан на него, и все, пишите письма, заказываете ящик.

– Да... не знаешь, где на костлявую напорешься.

Капитан настороженно оглянулся и полез в карман комбинезона.

– Покурим, что ли?

– Да, вроде можно, дым уже не заметят. Темно. Не доставай. Я угощаю...

Подполковник бросил взгляд на помрачневшие горы и вытащил из-за пазухи сигаретную пачку.

– О, смотри-ка, «Ява» явская. Привет из Москвы.

Капитан угостился сигаретой и стал задумчиво разминать ее в руке.

– А я вот в столице этой ни разу не был. Надо съездить поглядеть, а то так всю жизнь и проторчишь в этой Азии. Ты ведь часто в Москву ездил?

– Естественно. У меня там бабка живет. В Раменках, в однокомнатной. Все говорю ей, пропиши, дура, помрешь, пропадет квартира. Не хочет. Говорит: «Пропишу, кончины моей желать будешь, чтобы потом сюда девок водить. Вот женишься, пропишу сразу».

Командир щелкнул зажигалкой и, пряча маленький язычок пламени в ладонь, прикурил. В это время лежащий рядом наблюдатель опустил бинокль:

- Почти ничего не видно, товарищ подполковник, стемнело.
- Смотри, смотри, Марлин, он должен засветло пройти. Или не пройти вообще.

Марлин опять всмотрелся в горы и неуверенно предложил:

- Может, поближе подойти, товарищ подполковник?

– Правильно, лейтенант, нужно было вообще за ним в Пешавар слетать, через границу, и все дела. Вот генералы-то планируют... планируют. А все же гораздо проще! Но вот тогда тебе вопрос на засыпку: зачем нас вертушки выкинули за четыре километра? Зачем мы носом землю роем? На связь не выходим, а только принимаем? Правильно раскрываете глаза, товарищ лейтенант. Засекут если нас моджахеды – навалятся всеми силами. Потому что пятнадцать офицеров спеленать им хорошими деньгами отольется. А то, что мы без погон и офицерских книжек, им без разницы. Знают, сукины дети, что солдат – лет восемнадцати-двадцати, а майор – около тридцати. Вот и вся арифметика.

Марлин согласно кивнул и вновь стал всматриваться в темноту. Было очень тихо. Операция по встрече гостя, кажется, проходила вхолостую.

Хмелев, затягиваясь потрескивающей сигаретой, иссушенной жарким афганским воздухом, буркнул:

- Интересно, а мне какое звание духи припишут?

– Ты, Леха, не переживай, – подполковник весело хлопнул капитана по плечу, – я думаю, если живьем захапаят, то по твоей ругани подумают, что маршал, а если в дохлом виде, то решат, что не меньше генерала. Вон пузо-то какое. Сплошная солидность...

– Да брось, Семеныч. Ты вот сколько пробежишь с полной выкладкой? Километра три от силы. Верно ведь? Верно. Я-то знаю. А я десяток махану, несмотря на солидность. Когда от вертушек тащились, ты уже запыхиваться начал. И чем только ты в Рязани занимался? Небось, целыми днями на койке валялся да в столовой сидел.

– Да нет, дергали постоянно. Но все больше мы тренировались бумажки писать про довольствие всякое, графики дежурств по штабу, по сортиру и мусорной куче. За два месяца пару раз из гранатометов шарахнули по фанерным щитам да из «стечкина» две обоймы выпустили. Вот и вся подготовка. Зато звезды добавили, соответственно и чеков. Ты-то когда в «учебку» должен ехать?

– Зинка говорит, я в приказе на следующий месяц стою, – капитан с сомнением покачал головой, – а там кто его знает, что за приказ... Дура душой, могла и перепутать что-нибудь.

Подполковник криво улыбнулся, обнажая пожелтевшие, прокуренные зубы:

- А ты бы ее поласкал получше, смотришь, повнимательней бы отнеслась.

– Да черт с ней, чекисткой перетраханной. С ума съехать. Двадцать пять чеков за ночь. Да я на основной базе бесплатно пере...

- Идет! Точно, идет! – неожиданно встрепенулся Марлин.

- Ну-ка... – Командир вырвал у лейтенанта бинокль.

Человек в обычном для дехканина одеянии быстро спускался по склону и, беспокойно оглядываясь назад, делал странные броски из стороны в сторону. Подполковник помрачнел:

– Ну вот, принесла нелегкая. А я уже думал, спокойно вернемся на перевалочный. Постойте-ка... У меня такое ощущение, что этот тип ждет, что по нему вот-вот пальнут из-за тех вон камушков с кустиками.

Запищала рация. Подполковник обернулся к лежащему невдалеке радисту:

- Ну что там у тебя?

Тот нервно оторвал резиновые наушники от головы:

– Третий передает: замечено передвижение небольших групп в нашем районе. Идут с двух сторон вдоль границы...

– Ёшкин корень, этак нас здесь зажмут. Припрут к горам и хана! Это они, наверно, по его душу. Преследователи херовы... Мы же у них теперь на пути. Вот что, Хмелев. Бери-ка двоих

половчье и дуй назад. Будешь обеспечивать наш отход. Не дай бог дашь им возможность выставить заслон у нас на пути. Шкуру спущу. Дружба дружбой... Ну ты понял меня, капитан...

Хмелев привстал:

– Рыбаков, Людко! За мной, бегом марш!

Поправляя на ходу увесистые офицерские бронежилеты, прикрывающие кроме груди и живота еще шею и пах, спецназовцы двинулись в сторону заброшенных арыков, окруженных засохшими кривыми деревцами.

Человек же, бегущий по склону, вдруг упал и закувыркался среди колючек редкого кустарника. И почти одновременно с этим раздались нестройные винтовочные залпы.

– Все. Подстрелили, – стиснул зубы подполковник и вздрогнул от близкого свиста пуль.

– Черт возьми, это, кажется, в наш адрес... – он, приставив к глазам бинокль, всмотрелся в темноту, – а бегун-то наш встал. Прыткий бегунок – целехонек... Его они, наверное, хотят живьем схватить.

Выстрелы из темноты буравили пространство вокруг бойцов. Спецназовцы вжались в землю, изготовившись к ответной стрельбе. Пулеметчик проверил устойчивость сошек и направил ствол в седловину перевала, уже едва различимую во мраке:

– Разрешите, товарищ подполковник, я им настроение попорчу?

Командир зло погрозил ему пальцем:

– Отставить. Не хватало сейчас только в бой ввязаться. Приготовиться к отходу.

Бегущий тем временем стремился к полуразрушенным дувалам, ловко перескакивая через небольшие селевые промоины, паутиной лежащие на его пути. Но все же его движения говорили о том, что он утомлен и вот-вот сбавит темп. По нему по-прежнему стреляли. Теперь, в ста метрах от развалин, на почти ровном пространстве, он был как на ладони.

Преследователи, прощупав несколькими короткими очередями угрюмые стены обрушенных дувалов, вылезли из укрытий и начали медленно нагонять беглеца.

Подполковник насчитал около десяти человек, одетых в форму пакистанского образца. Они шли не торопясь. Это были всего лишь загоняющие. Прошло несколько напряженных минут. Подполковник, прикидывая расстояние до медленно идущих моджахедов, решительно поднялся во весь рост, разминая затекшие ноги, и повесил на шею бесполезную теперь оптику:

– Кумаев, вызывай вертушки... Э, да я совсем позабыл про наших парней в руинах... Маслюк! Иди к ним живее! И перехватите этого гонца, этого посыльного-пересыльного горного барана, и все вместе живее сюда. Бегом марш!

Маслюк, приподняв зад, как бегун на старте, рванул в темноту, но через десяток метров нос к носу столкнулся с тяжело дышащим человеком в длинной изодранной рубашке, широких полотняных штанах и съехавшей набок грязной чалме. Человек затравленно метнулся в сторону и выхватил из складок одежды небольшой никелированный револьвер. Маслюк несколько опешил, но в следующую секунду, словно боксер, уходящий от прямого удара, резко махнул прикладом. Револьвер звякнул о камень, чалма незнакомца слетела, а он сам повалился навзничь, схватившись руками за брызнувшее кровью лицо. Спецназовец склонился над телом:

– Мать твою за ногу! Так это, наверное, «почтальон». Вот так херня.

Он взвалил стонущее тело на спину и, волоча за ремень автомат, потащился обратно:

– Эй, не стреляете, это я, не стреляйте...

– Что за херня? – Из темноты навстречу Маслюку возник здоровенный парень с пулеметом в руках.

– Буров, ты? Тут это... Я кажись, связного пришиб невзначай.

За Буровым стояли остальные, нервно переминаясь с ноги на ногу, готовые рвануть от границы в глубь афганской территории. Туда, где вот-вот должны были зарокотать в небе вертолеты. Подполковник подскочил к Маслюку, ткнул его кулаком в скулу:

– Идиот идиотский! Какого хрена ты его пароль не спросил? Эй ты, как там тебя, скажи что-нибудь... Не молчи, приятель, ну...

Человек хватал ртом воздух, стараясь приоткрыть глаза, заливаемые кровью, струящейся из-под лоскутов кожи разбитого прикладом лба:

– Белестох...

– Белосток! Мать твою, чуть курьера не пристукнул, придурок. Это же он бежал! Все! Всем отходить. А ты, Маслюк, теперь сам его тащи. Ну, живей, живей!

Спецназовцы цепочкой двинулись в направлении ушедшей десять минут назад группы Хмелева. Подполковник еще некоторое время напряженно вглядывался в темноту: где-то там, среди развалин, скрывались Сарычев и Митрохин. Если спустившиеся с перевала уже прошли мимо них, то оставался шанс подобрать лейтенантов утром, разогнав возможные засады арт-огнем: «Авось пронесет, ребятки...»

Подполковник пошел следом за группой, осторожно ступая упругими подошвами армейских ботинок по твердой, слежавшейся земле. Ощущая напряженную, вязкую тишину за спиной, он невольно втянул голову в плечи. Маслюк шел чуть впереди, слегка пошатываясь под тяжестью обмякшей ноши, кряхтел и вполголоса матерился. Буров, иногда сплевывая сквозь зубы, через каждые пятьдесят шагов перебрасывал пулемет с одного плеча на другое, поглядывая при этом по сторонам.

Подполковник прикидывал пройденное расстояние, проклиная еле ползущую минутную стрелку на фосфоресцирующем циферблате наручных часов.

Через некоторое время в тишине возник далекий, неясный, вибрирующий звук. Идущий впереди Маслюк обернулся...

– Вертушки!

– Без тебя слышу, ты лучше под ноги смотри.

Звук приближался, усиливался. Неожиданно его заглушил близкий треск автоматной очереди. Темнота в нескольких местах полыхнула злобными, пульсирующими огоньками. Группа спецназовцев остановилась, все присели на корточки, ошестинившись вправо и влево автоматными стволами. Воздух заклокотал мечущимися в темноте шальными пулями. Потянуло пороховой гарью. Где-то впереди, метрах в двухстах, одна за другой рванули две гранаты.

Короткая пауза.

Снова яростная трескотня выстрелов.

Снова пауза.

И вдруг истошный крик и сразу за ним несколько коротких очередей.

После этого все, казалось бы, окончательно стихло.

Подполковник привстал, звякнул цепочкой трофейной пакистанской фляги, и через секунду сзади кто-то негромко крикнул «Аллах Акбар...»

Разворачиваясь и плавно опуская планку предохранителя, чтоб не шелкнуть, командир гаркнул в темноту:

– Аль эллах, эль аллах! – и нажал на спусковой крючок.

Автомат высветил вспышкой выстрелов две падающие, согнувшиеся пополам фигуры. Подполковник бросился на пыльную землю, ожидая ответного огня, но его не было. Когда он поднялся на ноги, над трупами моджахедов уже копошился один из спецназовцев, сдергивая пуховые куртки. На шее бойца болтались подобранные «Калашниковы».

– Мяскичечков, брось херней заниматься, сдались тебе эти «пакистанки», они же все в дырах...

Командир встряхнул кистями рук, пытаясь унять дрожь в пальцах:

– Нечего глазеть тут! Всем вперед! Зубоиров, приготовь две красные ракеты...

Отряд продвигался на северо-запад, ориентируясь по пляшущей стрелке компаса. Уже где-то невдалеке кружили вертолеты. Иногда спецназовцы замечали искры дезориентацион-

ных ракет, отстреливаемых вертушками. Пилоты опасались запусков самонаводящихся «стингеров» и «блоупайтов».

Наконец подполковник остановился и негромко позвал радиста:

– Послушай-ка, что там летуны говорят... А хотя я сам.

Он прижал к уху мокрое от пота резиновое блюдечко, матюгнулся, пытаясь поглубже засунуть наушник под бронешлем. В эфире монотонно бубнил усталый голос:

– ... я борт сто пять, я борт сто пять...

Через мгновение на него нахлобачился второй:

– Сто пятый, я сорок седьмой, включи на секунду навигационный, я что-то тебя потерял, как бы не стукнуться, еханный бабай...

Подполковник переключился на позывную волну:

– Борт сто пять, я «Бангкок», со мной «Белосток», все в порядке, даю посадку. Мое местонахождение под красной ракетой в зенит. Через полминуты будет вторая красная. На грунт не садиться, с бортов не стрелять. Выполняйте.

Он махнул рукой Зубоирову. Ракета, разбрызгивая искры, ушла вертикально вверх. Спецназовцы привычно рассыпались, образовав круг, в центре которого находился радист и командир, взявший у Зубоирова вторую ракетницу. Туда же Маслюк швырнул и курьера, который то приходил в сознание, то отключался. Бойцы напряженно ждали реакцию моджахедов на ракетные сигналы. Те, видимо, некоторое время соображали, почему вертолеты не обстреляли место взлета красных ракет, а потом, словно опомнившись, открыли с нескольких сторон беспорядочный огонь.

Подполковник, покусывая губу, вслушивался в треск автоматных очередей и тявканье винтовок, стараясь уловить в этом хаосе признаки присутствия хмелевской группы. Вскоре он услышал сквозь стрельбу яростный и характерный мат капитана. Еще минута – и Хмелев со своими бойцами примкнул к основному отряду.

«Ну слава богу, теперь разберемся с вертушками». Подполковник посмотрел вверх. Вертолеты зависли над головами спецназовцев.

– Радист, что у летунов?

– Кроют матом...

– Передай, чтоб снижались...

Подполковник осмотрел замкнутую цепь бойцов и, напрягая до предела голосовые связки, перекрывая визг вертолетных лопастей, заорал:

– Всем огонь! Без передыху!

Шквал огня заставил моджахедов на время отступить. Они почти перестали стрелять, понимая, что ответный огонь демаскирует их. Спецназовцы же, не сбавляя темп, били короткими очередями. Разорвав цепь, они часто меняли позиции, неловко перекачиваясь в тяжелых бронезилетах из стороны в сторону, вминая в землю теплые стреляные гильзы. Жмурясь от пыли, подполковник вместе с Хмелевым подтащили поближе к вертолетам беспомощного курьера и помогли туда же добраться растерявшемуся радисту.

Пронзительный свист и вой, казалось, разорвет барабанные перепонки.

Экипажи вертушек форсировали двигатели, чтобы моментально взлететь, если вдруг под колесами окажутся притаившиеся моджахеды.

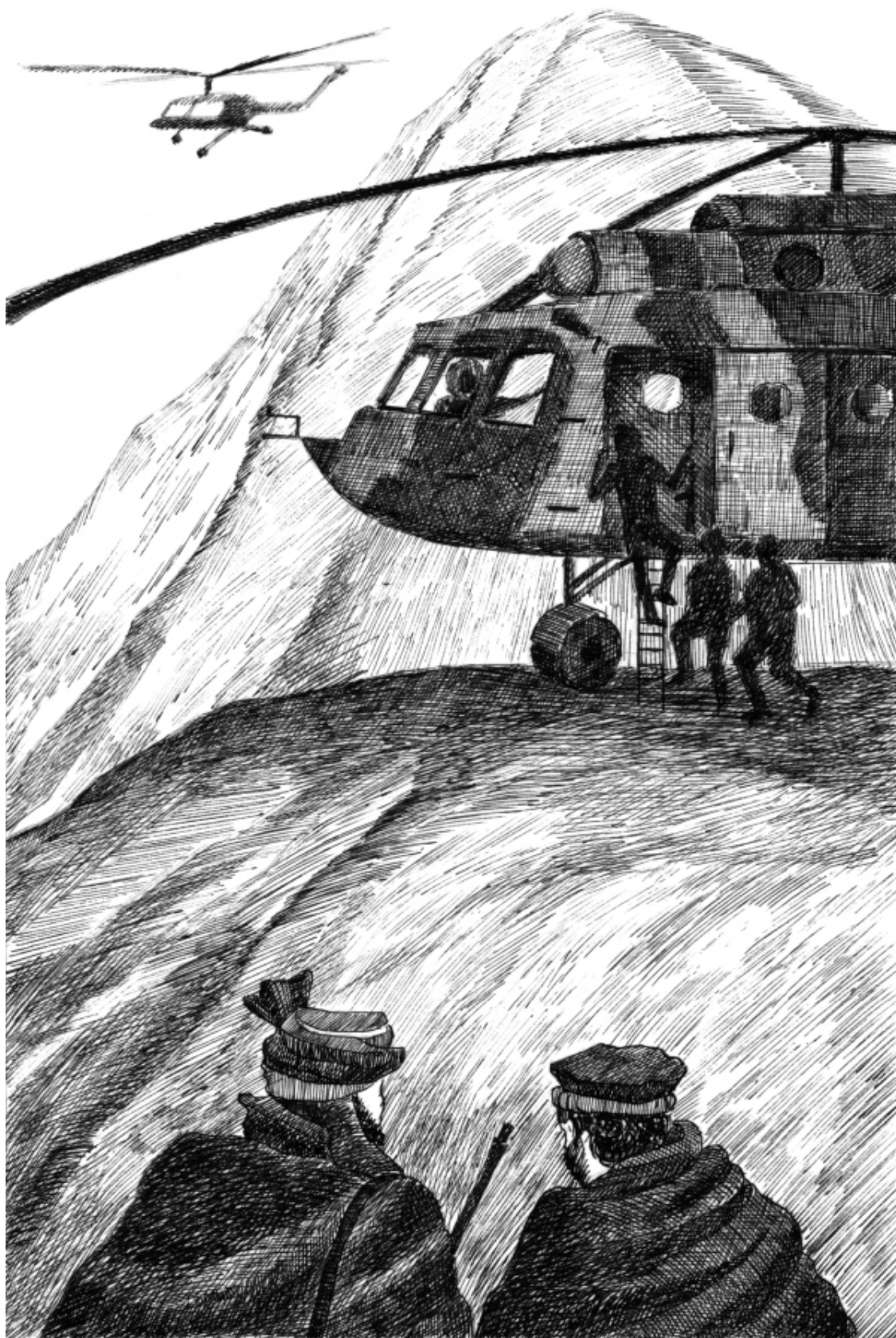
Подполковника пробрала дрожь, когда он представил себе страх летчиков, садившихся беззащитными брюхами машин в полную неопределенность. Он мотнул головой, отгоняя лишние мысли. Командир хорошо понимал, что сейчас моджахеды готовятся накрыть их во время загрузки. Ему даже казалось, что в реве вертушек он слышит, как громко они перекликаются, окружая спецназовцев.

«Догадливые, сволочи, не торопятся. Знают, что никуда мы от них не денемся в наших летающих гробах...»

В этот момент дверь одной из вертушек отъехала в сторону и вниз полетела металлическая лесенка. В тусклом свете аварийной лампочки показалось бледное, утомленное лицо бортстрелка. Он опустил снятый с турели пулемет, матово блеснувший размотанной патронной лентой, и нетерпеливо замахал рукой. Подполковник крикнул Хмелеву в самое ухо:

– Командуй посадкой, Леха!

Капитан кивнул и, приказав не прекращать огня, начал выдергивать из цепи бойцов через одного и отправлять их в зависшие над самой землей вертолеты. Спецназовцы быстро сориентировались и, подбирая раненых, начали грузиться. От неровно покачивающихся вертушек изредка отстреливались дезориентационные ракеты. Они с шипением проносились над головами бойцов, освещая их перекошенные от напряжения лица.

Подполковник вместе с Зубоировым забросил в вертолет курьера. Тот обо что-то ударился, заорал, но его крик потонул в грохоте винтов. Подполковник, пропустив на борт вперед

себя радиста и Зубоирова, наконец забрался и сам. Он устало опустился на колени, облокотился о ствол автомата, вытер рукавом липкий, горячий пот с лица и зажмурился.

«Сейчас саданут из гранатометов, и все...»

Моджахеды, пользуясь тем, что спецназовцы не стреляли, чтобы не задеть еще оставшихся на земле бойцов, подобрались почти вплотную и били теперь прицельно. Но вот наконец последний спецназовец, раскидав в темноту все свои гранаты, повис над лестницей, вцепившись обломанными ногтями в выступ порожка. Его втащили, не обращая внимания на соскользнувший вниз автомат.

Подполковник потянул на себя заклинившую дверь, кто-то из бойцов стал помогать ему. Они остервенело дергали ручку под стук пулеметов, понимая при этом, что тонкая дюралевая дверца не защитит их от свистящих пуль и снарядов. Под ногами корчился от боли боец без шлема, с разодранной пулей щекой и залитыми темной кровью плечами. Он что-то надсадно кричал, тряс головой, невидяще таращился глазами, полными ужаса...

В это время первый вертолет оторвался от земли, мигнул бортовыми огнями и разразился шквалом реактивных снарядов, которые разлетелись широким веером. Некоторые НУРСы взрывались сразу, некоторые с запозданием, срикошетив, от невидимой поверхности, расцветая красно-белыми огненными бутонами. Вертолет, завалившись на бок, стал описывать полукруг, выходя из-под прицельного огня. Зеленоватые трассеры били в его борта. Было видно, как, кувыряясь, отлетел кусок винтовой лопасти и погнулась стойка правого шасси.

Подполковник, оставив попытки закрыть дверь, зачарованно смотрел на взлетающую вертушку. Потом, словно очнувшись, приложил автомат к плечу, матерясь и плача одновременно, начал бить по моджахедам. Рядом тут же громыхал пулеметом Маслюк. У задней сетки, натянутой вместо тяжелых люков, снижающих грузоподъемность, стрекотал «Дегтярев» Бурова. Остальные спецназовцы стреляли из распахнутых иллюминаторов. Отовсюду летели дымящиеся гильзы. Они сыпались на лежащих пластом раненых и на убитого уже внутри вертолета Людко. Его тело было неестественно выгнуто. Казалось, что он просто спит в неудобной позе с чуть прикрытыми глазами, высунув кончик языка, из-под которого тонкой струйкой сочилась кровь. Она капала с небритого подбородка, измазанного солидолом, и затекала за ворот бронжилета... Вокруг все заволкло сизым прогорклым пороховым газом. Не отрывая пальцев от спусковых крючков бешено вибрирующих автоматов, стрелки терлись лицами о свои плечи, пытаясь хоть как-то промокнуть слезящиеся глаза. Они понимали, что только изрыгающее огонь оружие дает им шанс выбраться из ночной мясорубки. В какие-то секунды весь пол оказался завален гильзами, пустыми магазинами и разорванными перевязочными пакетами... Раненые корчились от боли, и многие из них, теряя сознание, беспомощно болтались из стороны в сторону при маневрах вертолета.

Пилот второй машины, в которой находился полковник и его бойцы матерясь и непрерывно кашляя, не решался резко взмыть вверх, под «стингеры» и «блоупайты». Он тянул свой вертолет вслед за первым. Летчики уводили вертушки в направлении Пакистана, стараясь обмануть моджахедов, зная, что те наверняка развернули зенитные ракеты на пути к Джелалабаду. Пилот второй машины вглядывался в скрытые мраком горы. Повторяя все движения и развороты ведущей вертушки, он посылал вслепую реактивные снаряды и по цепочкам их разрывов прикидывал высоту, не доверяя приборам.

Подполковник теперь уже сидел рядом с Маслюком и, как заведенная кукла, кидал вниз гранаты, одну за одной, тупо уставившись на погнутую ручку заклинившей двери. Он очнулся, лишь когда в грудь будто кувалдой ударило два раза. Командир повалился на спину, нашупал рукой разодранный чехол бронжилета и две горячие пули, застрявшие в его пластинах. Невдалеке грохнул мощный взрыв. Вертолет трянуло, подбросило. Что-то градом застучало

по корпусу. Подполковник невероятным усилием спихнул с себя обмякшее тело убитого борт-стрелка и выглянул наружу.

Ведущего вертолета не было... Вместо него вниз летели обломки, какие-то тряпки и ошметки. Пилот снизился над пылающими останками погибшей машины, зачерпнул смрадный запах горелого пластика, резины и взорвавшегося горючего... Затем страшно взвыл, будто у него вырвали сразу все ногти, крутанул свой вертолет волчком, расстрелял последние НУРСы и стал стремительно набирать высоту...

Глава 4

– Входи, раздевайся. – Лена отодвинула ногой старую болонку, с розовой проплешиной на спине. Собака прижалась к телефонной гумбочке и злобно зарычала. В узком коридоре Кате пришлось перешагнуть через нее. Видя это, Лена закричала в чуть приоткрытую кухонную дверь: – Света! Убери эту мерзкую собаку, она мне действует на нервы! – И уже более спокойным голосом обратилась к гостье: – Сейчас, Катя. Ты раздевайся, проходи, чайку попьем. Света! – опять резко крикнула Лена и распахнула стеклянную дверь. – Света, давай быстрее, а то я ее раздавлю!

Из кухни вышла конопатая девочка с бутербродом в руке. Солнце из окна просвечивало ее пышную кучерявую шевелюру, похожую на одуванчик. Она метнула на старшую сестру надменный взгляд, присела перед облезлой болонкой и стала ее гладить по желтоватой в каких-то комочках и проплешинах шерсти.

– Ты Илку не обижай! Привет, Катя... Сама ее притащила, а теперь гоняешь. Нехорошо, Лен.

– Так ты-то откуда знаешь, что ее я притащила? – Лена стала вся красная от злости.

– А может, это отец? Вон он каждый божий день выгуливает ее до посинения. Потом без завтрака на работу. Он ее и притащил. Разве нет?

Лена подмигнула гостье, снимающей забрызганные уличной грязью сапоги. Света положила промасленный бутерброд на раскрытую телефонную книжку и подняла собаку на руки:

– Прекрати придуриваться, собаку завели по твоей вине. А потом ты ее бросила. Ты все начинаешь хорошо, но плохо кончаешь.

– Я кончаю лучше, чем ты думаешь! – Лена рассмеялась, увидев, как по-детски обиженно надула пухлые губки младшая сестра.

Катя тем временем сняла сапоги, сунула в шкаф измятый плащ, прошла в комнату подруги и уселась в свое любимое кресло, напротив письменного стола.

Сестры в прихожей распялись все больше.

– А ты вообще почему не в школе, почему торчишь здесь, как заноза, и все утро жрешь сэндвичи? Они, кстати, на праздник приготовлены, – кипятилась Лена.

– А у нас сегодня санобработка, тараканов в столовке травят. Занятий нет, – нагло и уверенно врала в ответ Света, – а вот некоторых я даже не спрашиваю, почему они дома. Потому что знаю: они работать не хотят, школу еле закончили, а в институт еле пролезли. Хотят только на тусовки ходить и фотографии на стены лепить – обои портить...

– Замолчи сейчас же, подлючина ехидная! Заткнись немедленно! – взвилась Лена.

Катя, слушая ругань сестер, вздохнула, подняла трубку спаренного телефона, прикрыла, толкнув кончиками пальцев, дверь в прихожую и набрала номер. Длинные гудки тянулись бесконечно... Она сидела в кресле, положив ногу на ногу, оглядывая комнату, в которой, как всегда, царил полный беспорядок.

На письменном столе были разбросаны пудреницы, футляры использованной помады и тюбики тонального крема. Над этим хаосом возвышались дезодоранты, средства для волос и огромный флакон импортного шампуня с гроздью бананов на этикетке. Посередине стола, на стопке учебников за десятый класс, лежало большое зеркало. В углу комнаты валялись пластинки в цветных конвертах и обшарпанная коробка из-под японского магнитофона. Из нее торчали разномастные рулоны обоев и детские рисунки. Сам магнитофон с вмятиной на решетке левого динамика лежал на кровати в россыпи кассет. Из-под кровати торчали еще какие-то пыльные коробки и свернутый в рулон потертый коврик. В книжном шкафу теснились тома классиков, вогнанные в шеренгу так плотно, что, казалось, вытащить их не представляется возможным. А напротив двери почти во всю стену раскинулся иконостас из календарей и уве-

личных фотографий преимущественно одной и той же поп-группы «Приветливый месяц». Особенно много фоток и афиш было с солистом этой группы, Петром Болотниковым. Болотников изображался поющим и сидящим, поющим и стоящим, не поющим и лежащим, в окружении детей и подростков, с цветами и без. Он был запечатлен на фоне заката и в свете сценических прожекторов, в полный рост, по пояс, крупно лицом и прочее и прочее... Над всем этим «ералашем» красовалась полоса ватмана с крупной красной надписью: «Я люблю Петю!!!»

Уныло изучив фотографии, Катя вновь набрала номер. Но телефонные гудки по-прежнему были отдаленными и длинными. Она вздохнула и повесила трубку.

В эту же секунду аппарат пронзительно зазвенел. В прихожей мгновенно засуетились. Слышно было, как Лена властно приказывает сестре:

– Все, иди на кухню и продолжай жрать праздничные бутерброды. И не смей подслушивать, а то не буду тебе уши прокалывать.

– Вот еще. И не надо. В салон схожу.

– Да кто тебя в салон пустит, малявка! – И уже совсем другим голосом: – Алло, я вас слушаю...

– Сама малявка, – завизжала младшая сестра и сердито хлопнула кухонной дверью.

– Прекрати хулиганить! Алло. Нет, это я не вам... – Дальше голос Лены стал напряженным: – А, это ты, ну как дела? У Стрелецких был?

Катя, стараясь не слушать, о чем разговаривает подруга, взяла со стола старый номер «Работницы» и углубилась в скучный раздел «Кулинарные беседы профессора Н. И. Ковалева». Там она вычитала, что рыбные продукты – это источник полноценных, легкоусвояемых жиров, богатых биологически активными кислотами. И что резать филе рыбы на куски нужно под прямым углом. Катя раздраженно отбросила журнал, встала и подошла к окну.

С высоты шестнадцатого этажа были видны плоские крыши универмага и поликлиники. Напротив, чуть левее, высилось несколько многоэтажных жилых домов. За ними, на горизонте, дымили высокие трубы теплоэлектростанции и медленно, еле заметно поворачивались журавли подъемных кранов. Внизу, среди бисера разноцветных автомобилей, бегали дети, пронзительно звонко кричали и кидали друг в друга чем-то белым, легко сносимым ветром. Скорее всего, это были куски пенопласта, вынутые из распотрошенной помойки рядом с универмагом. Вдалеке, у поликлиники, на автобусной остановке скопился народ. Рядом с толпой влюбленная парочка ловила такси, вытягивая руки. Их жесты чем-то напомнили Кате нацистское приветствие из документального фильма о Второй мировой. Она, покачав головой, перевела взгляд в другую сторону. Там был глухой двор и газоны с протоптанными между домами коричневыми лентами тропинок. Зеленые лужайки посыпала опадающая листва, которую сдувал с деревьев холодный ветер и вымачивал дождь в тусклом свете осеннего солнца.

«Как все грустно... – смотря на этот унылый пейзаж, подумала Катя, – почему же он не берет трубку? Вот сволочь, ведь знает, что это я ему звоню. А может, просто Дениса опять нет дома?»

Дверь отворилась, прервав ее размышления. В комнату вошла Света и с хитрым видом уставилась на Катю:

– Ты что такая хмурая?

– Да вот погода премерзкая. Солнце будто на тюремный двор выпустили и сейчас опять загонят в камеру.

– Смачно сказано... Слышишь? – Света показала на дверь, за который монотонно бубнил голос Лены. – Опять ЭТОТ звонит.

– Кто, Толик?

– Да какой Толик, он уже давно не показывается. Это Славик. Послушай вон... – Света кивнула на спаренный телефон и заговорщически подмигнула.

– Да брось ты, чего тут слушать. Все равно она сейчас же мне все разболтает. А подслушивать вообще-то нехорошо, – строго добавила Катя и от нечего делать приоткрыла дверцу платяного шкафа. Там, на полках, кучами лежало постельное белье, колготки, трусики, махровые банные полотенца, ночные рубашки и всякая мелочь. А под небрежно висящими платьями и пуловерами она увидела аккуратно стоящие огромные резиновые сапоги, из которых торчали штопаные шерстяные носки крупной вязки. Катя опешила, наткнувшись на явно мужские вещи в женском гардеробе, и вопросительно посмотрела на Свету. Та расплылась в довольной улыбке:

– Это Славкины сапоги. Они втроем в прошлые выходные на дачу ездили. Кстати, именно поэтому на твой день рождения Ленка не пришла. Приперло ее сильно. Ну так вот. Втроем это она, Славик этот, Бабкин, и дружок его, Коля Брызгалов. Ну да ты с ними вместе училась, знаешь их небось как облупленных. Поехали, значит, они к нам на дачу. Дождь, темень, дров нет. Свет отключен, вода перекрыта... Да почему поехали-то – вот умора! Ленка, ты знаешь, Славику уже полгода голову морочит, что она в подружках у этого красавца! – Света кивнула на плакаты с «Приветливым месяцем», приоткрыла дверь и, показывая на разговаривающую по телефону Лену, прошептала: – Как раз об этом она сейчас и заливает.

Катя невольно подалась вперед и прислушалась:

– ...ну, ты что, Слав, серьезно? Я же не виновата, что его там не оказалось... Ну сколько можно обижаться, уж неделя прошла... Так у него ведь не один дом. Он меня, наверное, умышленно обманул – может, выглядел плохо и не хотел на люди показываться, или я перепутала... Что? Ключи? Ключи у меня от всех его дач есть!

Света хихикнула, закрыла поплотней дверь, покрутила у виска пальцем:

– Смотри, как изворачивается, врет, а он, дурак, верит и огорчается. Еще бы, ездил на дачу к самому Петру Болотникову и только случайно его не застал!

У Кати неприятно защекотало в груди. Слава Бабкин весь десятый класс ухлестывал за ней, а потом, ближе к экзаменам вдруг охладел, стал держаться нейтрально, особенно в присутствии Лены. Кате на Бабкина, в общем-то, было глубоко наплевать, как, впрочем, и на других парней из класса. Но Славик был смазлив, нахален и к тому же болен какой-то неизлечимой болезнью. То есть излечимой, предположим, в США и неизлечимой в Союзе. Что-то там связанное с костями. То ли костный туберкулез, то ли еще что-то в этом роде. Он постоянно ходил с закатанными рукавами, демонстрируя всем красно-бурые шрамы на руках, оставшиеся после обострений его таинственной болезни. Это придавало Славику образ страдальца, замученного жизнью, поэтому в классе считалось престижным дружить с ним... К неразлучным подружкам Кате и Лене он прилип сам, притянув за компанию своего туповатого друга Брызгалова.

А началось все с того, что как-то раз, в тишине контрольной по математике Лена сказала подруге:

– Слушай, а чего Болотников такие похабные места дал – третий ряд. Уж лучше из-за сцены посмотреть. Там и покурить можно, и вообще...

Катя от скуки подыграла:

– Да, Петюня что-то не в себе последние три дня. Как из Ялты с фестиваля вернулся, так каким-то другим стал. Может, уйти из группы хочет?

В классе наступила пронзительная тишина. Только слышно было, как отличница Кротова шуршит шпаргалкой да переворачивает страницы «Бурды» учительница Софья Ахметовна.

После этого эпизода все ребята в классе стали с интересом наблюдать за подружками. И девчонки, с гордостью чувствуя на себе пристальное внимание, без особого напряжения и в общем-то без задних мыслей стали сочинять ненавязчивые басенки про свои похождения под знаком «Приветливого месяца». То, сделав загадочные глаза, перекинутся парой фраз, что аранжировщик снова в пьяном виде разбил свой «ниссан», а Петюня подхватил насморк. То неожиданно засобираются в Николаев сопровождать группу на гастролях и вдруг выяснится,

что аппаратура еще не приехала из Ленинграда. А потом действительно на несколько дней исчезнут из школы, схватив на пару грипп в метро, по пути в какой-нибудь магазин типа «Люкса», куда часто ездили потолкаться, пооблизываться на броские ткани и модные фасоны.

Впрочем, Катя и Лена действительно были большими почитательницами «Месяца» и не пропускали ни одного концерта поп-группы в Олимпийском или Лужниках. И они, конечно, знали многое об участниках легендарного коллектива, вплоть до мелких деталей, которыми пополнялся их арсенал по мере роста фанатского стажа. И эти «детали» поражали доверчивых одноклассников сильнее «Петюниного насморка».

К примеру, возник спор с Веркой Москалевой по поводу драгоценного здоровья второго солиста «Месяца» – Бори Туголукова. Верка нагло утверждала, что у него стопроцентное, орлиное зрение. Но Катя небрежно заявила о легкой близорукости солиста и его изящных очках в металлической оправе, которые она якобы самолично примеряла на его нос. Следует отметить, Катя не сомневалась в своей правоте. Ведь, будучи девочкой наблюдательной и часто видя объект обсуждения на сцене, она заметила, что тот, смотря в зал, близоруко щурится. И когда Москалева на следующий день увидела интервью с Борей в домашних условиях, где тот щеголял в тапочках и в блестящих «ленноновских» круглых очках, она выкинула белый флаг! После этого случая уже весь класс поверил в причастность девочек к знаменитому на всю страну «Приветливому месяцу». В самую близкую причастность.

Их имидж и авторитет «поп-герлз» культовой группы постепенно распространился на всю школу. Даже на педсостав, исключая разве что военрука, отставного капитана продовольственной службы, который на каждом уроке рассказывал о том, что «выстрелом называется взрыв снаряда в канале ствола огнестрельного оружия...» ну и так далее. При этом он обычно дополнял сказанное жестами, которые походили на язык глухонемых. Причем казалось, что «глухонемой» только недавно потерял слух и поэтому, боясь быть непонятым, вкладывает жесты слишком много страсти.

Дочь военрука училась в этой же школе двумя классами младше. Она часто баррикадировала дверь своей комнаты изнутри и включала на полную мощь стереосистему, не поддаваясь ни на какие увещевания со стороны утомленного отставного капитана. И мощные завывания «Приветливого месяца» в одной, отдельно взятой квартире прерывались лишь после того, как военрук в ярости выкручивал пробки в электрощите. Понятно, что у него сформировался стойкий рефлекс на их музыку. Академик Павлов, экспериментирующий со своими собачками, наверное, дорого бы дал, чтобы хоть раз взглянуть, как на суровые мужские глаза военрука наворачиваются скупые злые слезы при одном лишь упоминании о «Месяце».

А подруги между тем сами постепенно втянулись в свою игру, не понарошку давясь в очередях за билетами, обзванивая каких-то администраторов, заводя знакомых среди уборщиц концертных залов, кромсая ножницами газеты и журналы с интервью и фото любимой группы. Вот тогда, на взлете популярности девочек в классе, к ним и прилепились Бабкин с Брызгаловым.

И начались совместные вечеринки, засиживания в гостях, на скамеечках детских площадок. Культ «Приветливого месяца» рос и крепчал, подруги теперь были постоянно на виду. От них требовались новые, свежие подробности из жизни участников группы. И потому Лене и Кате приходилось посещать практически все концерты «Месяца». А сидя в первых рядах (обязательно в первых, а иначе и быть не могло), можно было строить глазки солисту и музыкантам, перемигиваться, подавать знаки артистам, заигрывающим с публикой.

Естественно, требовались и приличные наряды, отвечающие статусу «знакомых поп-звезд». Благо отец Кати «работал шпионом», как выражалась Светка, Ленина младшая сестра. Он был военным советником в Сирии. Из командировок папаша привозил любимому чаду разнообразное тряпье, которым та бескорыстно делилась с подругой. Кроме того, подруги случайно познакомились с молодыми людьми, торгующими разным импортом: от чулок до музы-

кальной аппаратуры. Новое знакомство расширило профессиональный лексикон девушек и в названиях музыкальных примочек (разных там усилителей, эквалайзеров, ревербераторов и флейнджеров) и в марках аппаратуры («Коргов», «Ямах», «Маршаллов»).

Легенда об их принадлежности к музыкальной элите крепчала с каждым днем. И они были счастливы! Они играли, и у них все получалось! Они летали как на крыльях, ловя завистливые и восхищенные взгляды, тая перед заискивающими интонациями поклонников и брезгливо глядя на скептиков. Девушки упивались успехом, который слепили для себя сами, из ничего, из полуфраз, полуслов, газетных вырезок и безудержной фантазии. Их бессовестное вранье отточилось до степени высокохудожественных баллад, а нечистоплотный розыгрыш поднялся до уровня хитроумной дворцовой интриги времен французских реформаторских войн.

Поначалу Слава Бабкин и Коля Брызгалов были робкими, безликими сателлитами блистательной пары. Но постепенно расставились акценты, наметились приоритеты, обозначились контуры их желаний и приводных пружин этой дружбы.

Началось все с легкого ухаживания, и через некоторое время одноклассники разбились на парочки по принципу мальчик-девочка. Слава тяготел к Катиным пышным формам, а вторая пара сложилась автоматически, по остаточному принципу.

Коле на самом деле было абсолютно все равно, за кем волочиться, лишь бы не сидеть дома с полоумной матерью, которая воевала со своей мамашей, брызгаловской бабкой. Кроме них у Коли был еще дед, причем неродной. Он развелся со своей женой в шестьдесят два года и женился на овдовевшей Колькиной бабке – склочной и подозрительной личности, у которой помимо множества странностей была одна интересная особенность: запоминать какую-нибудь незначительную фразу, сказанную кем-либо из родственником, а спустя несколько дней или недель, сформулировав стройную версию заговора, приступать к его разоблачению. И тогда на несчастную жертву вдруг вывалилось сфабрикованное дело, стройное и по-своему логичное. Начинала она так: «... а неделю назад ты говорил совсем другое. Значит, ты врал, да?...» Но существенными недостатками этих теорий было то, что составлялись они жадной и завистливой идиоткой, страдающей манией преследования.

Уличенные во лжи постепенно от нее отвернулись. Сначала ее стала избегать подруга по скамеечке, тихая пенсионерка. Полгода назад она проговорила, что шестилетний внучек сливает остатки водки из рюмок гостей и пьет эту бурду. Благодаря «дворовой секретной службе» все соседи узнали, что внучек тихой пенсионерки алкоголик с пятилетним стажем. Это в шесть-то лет! Потом обиделся старинный бабкин приятель, которого она знала еще со времени своей учебы в техникуме и наедине с которым она провела не самые худшие минуты в своей жизни. Апофеозом бабкиных процессов стала смерть от инфаркта ее первого мужа, родного деда Брызгалова. Врач-реаниматор, убирая бесполезную технику и складывая шприцы, иглы, раскрытые ампулы и пузырьки, озадаченно почесал распухший от гриппа нос и без особых эмоций сказал напарнице: «Странно, а по виду мог бы еще полтайги одним топором вырубить...»

Однажды Брызгалов прибежал к Кате и поведал об очередной акции полоумной старухи – о разоблачении собственной дочери. Она якобы замышляет после смерти бабки разменять квартиру и разъехаться со своим взрослым сыном, что вполне естественно.

Катастрофический скандал вылился в самую настоящую поножовщину: бабка гонялась за внуком вокруг стола с кухонным ножом и умудрилась-таки порезать ему руки. Мать, вступившись за сына, в рамках самообороны, ошпарила старуху из кипящего чайника. Обваренная, но не сдавшаяся бабка после госпитализации некоторое время пропадала неизвестно где, а затем явилась домой с седым прихрамывающим мужчиной, которого представила как своего нового мужа. Прописав старика в квартире, она выселила дочь из своей комнаты в кухню на раскладушку. Потом бабка убедила мужа продать его кооперативную «двушку». Деньги поло-

жила в сберкассе на долгосрочный вклад. Так шло больше процентов. После этого Колькина бабка на время успокоилась. Но зато проявил себя его новый дед.

В прошлом он оказался летчиком-истребителем, получившим в боях под Берлином «Золотую Звезду» Героя. Дед тоже был со странностями.

Во-первых, он заполнил тесную квартиру стопками мемуарных маршалских томов, состоящих сплошь из «ура-операций» всех стадий войны. Во-вторых, непрерывно вонял казеиновым клеем, мастера модели прославленных самолетов Ил-2, которые чаще смахивали на неопознанные летающие объекты. Бесформенные и уродливые, они были хаотично утыканы торчащими во все стороны стволами пушек и пулеметов. В-третьих, он разговаривал так, будто отдавал приказы, сообразуясь с уставными выражениями, типа: «Слушай мою команду. Николай направляется за картошкой, Мария Владимировна налево! За стиральным порошком и в сберкассе, узнать, пришла ли пенсия. Шаго-ом марш!»

Он часто огорчался, что не разбомбил до основания здание Рейхстага и не дострелил кого-то, о чем громогласно заявлял обычно часа в два-три ночи, катаясь по супружескому ложу, с воображаемыми дугами штурвала в руках, давя большими пальцами несуществующие кнопки пулеметных гашеток.

Катя, зная, в какой обстановке жил и рос Николай Брызгалов, сначала удивлялась его спокойствию и безразличию, а потом поняла, что его слабая эмоциональность связана с некоторой природной туповатостью. Впрочем, это давало и некоторые преимущества в дружбе с ним. Он мог часами сидеть уставившись в телевизор или в потолок, есть то, что ему подсовывали, не требовать внимания и развлечений – одним словом, не надоедать.

Когда ему говорили «сидеть», он сидел.

Когда ему говорили «ждать», он ждал.

Слава Бабкин был не таким. В его прозрачных глазах с томной поволокой светилась хитрость, себялюбие и желание быть в центре внимания. Заводя разговор с незнакомой девушкой, он изображал человека всеми безусловно любимого, немного снисходительного, чуть утомленного жизнью и домогательствами особ противоположного пола. Это почти всегда действовало безотказно. Объект Славкиного интереса проникался уважением и нежными чувствами, хотя были и осечки вроде той, что произошла с Катиной двоюродной сестрой, студенткой Плехановки. После разговора с Бабкиным она вышла на кухню, где Катя с Леной мерили спекулянтские мокасины, глотнула из банки яблочного сока и с усталым видом опустилась на табурет:

– Нет девчонки, самовлюбленного болвана, подобно этому, я давно не встречала. Он смотрит на меня такими глазами, будто я сейчас брошусь ему на шею, раздвину ноги и заставлю себя осчастливить. А что он говорил! О боже! Какие-то беженцы, какой-то Ташкент, перестрелки русских с узбеками в городском парке, изнасилованные русские женщины по кустам, какие-то ножевые ранения на его спине. Он показывал странные язвы. А по глазам видно, что врет. И к тому же, кажется, он трус.

Лена тогда зашипела, отбросив не подошедшую ей туфлю:

– Во-первых, не ори так громко, он может услышать. Во-вторых, Слава не врет про Ташкент. Он в принципе беженец. Семья в прошлом году переехала в Москву, и они теперь живут у каких-то дальних родственников, которые уже злятся. Живут вшестером в двухкомнатной квартире. Его отцу что-то обещали в исполкоме, но сама знаешь, как в Москве с квартирами. А мать, кстати, нашла какого-то мужика с жилплощадью и решила на жертву. Развестись со Славкиным отцом, фиктивно выйти замуж, потом снова развестись, поделить квартиру того мужика и снова вернуться к первому мужу и Славике. Видишь, как несчастно живут люди.

Катина двоюродная сестра, снова глотнув сок, поперхнулась и закашлялась:

– Вот оно в чем дело. То-то он к тебе прицепился как клещ. Когда наглец тебя разыскивал, даже нам звонил: «Здрасьте, а Лены нет?», причем часов этак в двенадцать ночи. Я дала трубку

деду, он ему всыпал перец в ухо! Так, значит, беженец. Скажи-ка мне, Лена, статус беженца разве исключает тот факт, что он подлец и трус? «Беженец» – разве это аргумент? Нет. Это повод поплакаться в жилетку и влезть в душу, чтобы покопаться там грязными пальцами. Ну как, кстати, квартира-то твоя ему нравится? Трехкомнатная все ж. Наверное, тоже всей семьей продумали: остороженько, чтобы не вспугнуть, жениться, развестись, делиться... Так?

Лена вспыхнула и выбежала в прихожую. Хлопнула дверь. Кате стало обидно за подругу.

– Прошу Славика нашего не обижать! – крикнула она и кинулась за Леной. Они вместе вбежали в комнату, обнялись и заплакали. Не обращая на них внимания, закрыв глаза на ковре сидел Слава Бабкин. Разговора он не слышал – из магнитофона во всю мощь раздавался «Приветливый месяц».

– Ты слышишь меня или нет, Катя? – Света дернула ее за штанину, заглянула в глаза.

– Ах да, да. Замечталась я что-то...

– То-то и видно. О хорошем хоть?

Катя пожала плечами. В прихожей подруга по-прежнему разговаривала по телефону:

– Нет, сегодня, наверное, не получится... Что?... Зачем?... Не надо. Когда он придет, то сам позвонит... Что?... Да. Он обещал... Нет, еще не пришли. Ну и что... Нет, не хочу...

Света ухмыльнулась, забралась с ногами на кровать и немигающим взглядом уставилась на Катю:

– Так я дорасскажу, значит... Вот. Славик и говорит ей: «Лен, раз ты такая близкая подружка Петюни, познакомь меня с ним».

Та спрашивает: «Зачем?» А он ей: «Хочу в „Месяце“ петь». У нее легкий шок, но виду не подает... А ты что так удивляешься? Ты что про это не знаешь, что ли?

– Ну почему... знаю... – выдавила из себя Катя, понимая теперь причину резкого смещения бабкинских акцентов на ее подругу. Теперь все прояснилось: Ленка пообещала устроить знакомство и стала более ценной для него. К тому же здесь его принимают лучше. Катя вздохнула и подумала: «Надоели они оба, и Славик и Коля, – дураки какие-то. Вот Денис совсем другой... Но почему же он не берет трубку?»

Вслух же она сказала:

– Ты говори, говори, Светочка, всегда интересно слушать, как наши похождения выглядят со стороны...

Та оживилась, подобрала колени, откинула волосы со лба:

– Вот, значит, она и говорит Славiku: «... хорошо, позвоню Болотникову по этому вопросу, он, кажется, собирался на дачу в эти выходные, и на всю неделю, может быть уже уехал». Но Славик умоляет Ленку: «Найди его, это очень важно для меня. Талант пропадает». Представляешь, талант! А сам поет фальшиво. Если б моя преподавательница по виолончели, Тамариха, услышала, то точно скончалась бы на месте. Ну ладно... В общем, Ленка говорит: «Хорошо, подумаем, как его найти». И потом почти месяц про...

– И давно ты про это знаешь? – перебила девушку Катя.

– Недели три уже. А ты что...

– Да нет, я, конечно, все знаю. Просто показалось, что не так давно это было. Ну и?...

Света заерзала, потянула нитку из разорванной штанины застиранных джинсов:

– Точно, недели три назад, почти месяц, ну это не важно. Важно, что Славик все это время постоянно названивал, приходил сюда. Сидел до двенадцати, до часу, все напирал на то, что она обещала. А Ленка все крутит: то не приехал Петюня, то уже уехал и забегал проститься на пять минут и она не успела или забыла спросить. Но Бабкин все не отстает и не отстает. Пел тут. Вот умора. «Голос, – говорит, – у меня классный, сейчас спою, а ты потом передай ему, что голос хороший и общие данные тоже». Представь себе, Катя, орал как мартовский кот, в которого швырнули пустой бутылкой. Жуть. Ну крутила она, крутила, делать нечего. Говорит ему: на даче, мол. Он требует съездить, раз она на всех болотниковских дачах была

и знает, где это находится. Собрались, поехали. Брызгалов тоже увязался, или Славик, что ли, его взял. Электрички, все такое, поздний вечер, а Брызгалов типа лосяра, типа защитник чертов... Поехали, значит...

Неожиданно резко и неприятно завизжал в прихожей дверной звонок. Света вздрогнула:

– Фу, никак не могу привыкнуть к этому противному звуку... Эй, Лен! Открой дверь, оглохла, что ль?

– Заткнись, мерзавка тропическая, без тебя слышу... Нет, Слав, это я не тебе, тут, кажется, мать с работы пришла... Я перезвоню... Все, пока. Открываю, мам!

Щелкнул замок, низкий, грудной женский голос недовольно произнес:

– Вы что здесь, повымирили все? На сумки, тащи на кухню. В магазинах, как всегда, ни черта нет. Картошки вот только купила да молока. Кто у тебя? Катюша?

Катя со Светой выглянули из комнаты.

– Здравствуйте, тетя Тамара.

– Привет, мам.

– Привет, попрыгуньи, как дела? Ничего не сожгли, ничего не погромили?

– Все, что можно было разгромить и превратить в труху, уже обработала Ленка, – связывала младшая сестра.

Старшая в долгу не осталась:

– Помолчи, ты сегодня опять школу прогуляла, несносная.

Катя будто очнулась:

– Тетя Тамара, вы не будете против, если я позвоню?

– Нет, категорически против. Как же это можно – звонить. Ты что, заболела, у тебя температура? Нет, звонить нельзя. Это вообще телефон без проводов...

Все рассмеялись. Мать похлопала по спине Свету, повисшую у нее на шее. Катя вернулась в комнату, набрала номер, и в этот раз на другом конце провода моментально ответили:

– Ставка генерала от кавалерии Каледина, говорите.

Девушка опешила, положила трубку и через минуту опять набрала номер. Тот же голос, искаженный помехами, неохотно отозвался:

– Китайское посольство слушает...

– Алло, это двести девяносто один, шестьдесят девять, восемнадцать?

– Верно, а откуда вы узнали, что это ЭТОТ номер?

– Я по нему позвонила...

– А-а-а... Понятно. Что дальше?

– Дениса позовите, пожалуйста. Пусть он возьмет трубочку.

На том конце закашлялись, через паузу почти шепотом ответили:

– Он не может сейчас позваться...

– Почему же?

– Он сейчас разговаривает по телефону...

– С кем? – опешила Катя.

– Вы очень любопытны, девушка, но это не страшно, хотя иногда мешает... Он в общем-то сейчас разговаривает с вами.

– Денис, это ты?

– Блестящая догадка! Это действительно я.

Катя облегченно и радостно вздохнула:

– Я тебе уже звонила.

– Я понял. А скажи, почему тебе китайское посольство понравилось больше ставки генерала Каледина?

– Не знаю... Ты зачем тогда убежал? Я бы всех быстро утихомирила и выставила за порог...

- Катя, извини, как-нибудь тебе все расскажу. А сейчас мне нужно срочно идти. Пока.
- Пока... – Послышались длинные гудки. Катя разочарованно опустилась в кресло...

Глава 5

– Хорст! – Грузный мужчина лет тридцати вывалился с переднего сиденья темно-синего «шевроле» и побежал по узкой улочке за невысоким брюнетом спортивного телосложения. Тот, не оборачиваясь на крик, ускорил шаг и исчез в ближайшей подворотне. – Хорст, да остановись ты! – Двубортный костюм, казалось, треснет по швам, распираемый пухлым телом бегущего толстяка. Он, сопя и задыхаясь, тяжело пронесся мимо двух идущих ему навстречу офицеров бундесвера и едва не задел выпяченным задом стеллаж с капустой, морковью и помидорами, стоящий перед входом в скромный овощной магазинчик. Тем временем невысокий брюнет нырнул в узкую калитку кованых ворот с грубыми завитушками в виде листьев клена и каким-то несложным гербом. Толстяк через мгновение влетел вслед за ним в узкий внутренний дворик, окруженный со всех сторон подслеповатыми окнами, на которых еще сохранились средневековые ставни, обитые ржавыми металлическими полосами. – Надо же, делся куда-то... – пробурчал он и в этот миг почувствовал на своем потном виске холодное прикосновение стали. Через секунду толстяк услышал хруст взвоящегося курка, и тихий голос прошептал в самое ухо:

– Руки за голову. Стреляю без предупреждения. Руки подними. Вот так. Теперь повернись!.. Тьфу ты! Зибенталь. Чтоб тебя!

Толстяк опустил руки и попытался улыбнуться:

– Ну и напугал ты меня, Хорст. А я думаю, куда ты делся из этого тупика...

– Дать бы тебе сейчас промеж глаз. Орешь, гонишься, внимание привлекаешь. Тоже мне кинозвезда!

Хорст быстро сунул пистолет в карман куртки, махнул рукой Зибенталю, и они неторопливо вышли на улицу. Однако, перед тем как окончательно ступить на тротуар из тени подворотни, Хорст осторожно выглянул в зазор между стеной и водосточной трубой. Потом критически посмотрел на стоящего с открытым ртом Зибенталья, покачал головой и заговорил уже на ходу:

– Воистину хочешь спокойно жить – не имей родственников вообще. Черт побери! Если все братья бросятся вдруг к мужьям своих сестер и будут за ними гоняться по городам, то Германия станет одним большим Бедламом. Ты согласен, Артур?

– Но я же не знал, что ты не хочешь со мной встречаться. Мне показалось, что ты просто не слышишь меня. А почему ты, собственно, не хотел со мной встречаться?

– Да что ты, что ты, – улыбнулся в ответ Хорст и быстро переменял тему: – Кстати, это же твой «шевроле»?

– Ну да... Но подожди, ответь мне на вопрос...

– Слушай, посмотри на свою машину. Ты же заткнул ей улицу, как пробкой из-под шампанского!

– Действительно. Как же это я так. Стой! погоди! – Зибенталь, подпрыгивая, припустился вдоль улицы к автомобилю, около которого уже прохаживался с задумчивым видом полицейский.

Хорст пожал плечами, повернулся и зашел в ближайшее открытое кафе. Там он взял два двойных кофе и два коньяка и стал наблюдать, как Зибенталь что-то доказывал невозмутимому полицейскому, который выписывал штрафную квитанцию. Раздраженно ее скомкав, толстяк оглянулся в поисках Хорста. Тот поднял руку.

Артур подбежал, грустно уселся на стул и залпом выпил свой коньяк:

– Представляешь, полицейский содрал триста марок, подлец. Здесь, оказывается, нельзя ездить без специального разрешения, памятник архитектуры какой-то. Вот незадача!

– Да успокойся ты, смотри, какая погода, будто опять лето вернулось. Забудь о деньгах – как пришли, так и ушли. Скажи лучше, что ты здесь делаешь?

– Хочу купить картонажную фабрику и вот никак не могу ее разыскать. Все кручусь по центру и никак не найду, а звоню в офис – все время занято!

Зибенталь хлопнул от расстройства пухлой ладонью по столику. Звякнули чашки.

Хорст улыбнулся:

– А я смотрю, ты пошел в гору. Какие-то фабрики. Ты еще не покупаешь, случайно, автомобильные заводы «Порше»? А как же твои губные гармошки, как это... многоладовые? Не сложился бизнес?

– Нет, наоборот. Теперь идут за милую душу. Только успевай. Вот тут договорился двигать их в Бразилию. Но упаковок нет. Знаешь, пока все продавалось поблизости, можно было обойтись просто пакетиками. Из мастерской сразу в магазин и на прилавок. А сейчас нужна машина, морские контейнеры, склады и там еще черт-те что! В общем, сохранность гармошек зависит теперь только от упаковки. Так что, сам видишь, без картонажной фабрики мне не обойтись.

– Так можно было где-нибудь заказывать коробки. Чего ради разоряться на фабрику. Рабочих надо держать, картон опять же...

– Ты не понимаешь! – Зибенталь оживился. – Да там всего четверо рабочих и пара полиграфических станков. Картон уже куплен в Гольштейне. Он, правда, из макулатуры, но ничего, для Южной Америки сгодится. Теперь главное – найти эту богадельню. Вот не везет! Да еще эти триста марок!

Артур расстроено похлопал себя по нагрудному карману, где лежал бумажник с чековой книжкой. Хорст в утешение патетически воскликнул:

– Да хватит тебе уже! Это не самое худшее, что может быть в жизни. Кстати, где ты остановился? Может, наведаюсь как-нибудь в гости...

– В «Райском уголке», что на Хауптштрассе. Знаешь, напротив кирхи. Я там живу с парнем из Бремерхафена. Он мой компаньон. Мы вместе с ним и покупаем фабрику. Он, кстати, делает помазки для бритья. Классные помазки, просто прелесть. Я тебе презентую парочку.

Хорст нервно посмотрел на часы и прикрыл ладонью глаза:

– Нет, Артур. Я зачищаю свою свиную щетину электробритвой. Меня раздражает эта канитель с мылом и лезвиями. Ты мне лучше скажи, как там поживает твой папаша? Старик Зибенталь все еще коптит небо?

Артур, шевеля толстыми губами, шумно хлебнул кофе:

– Отец, как всегда, молодцом. Вот потащился в Польшу, решил присмотреть чего-нибудь из старинных картин для своего дома. Ты знаешь, он себя начинает плохо чувствовать, если раз в полгода не прибьет что-нибудь на стенку своей гостиной. И все-таки, Хорст... Все-таки скажи мне, что ты тут делаешь? Жена в Бонне, а ты? Опять Аннет оставил в одиночестве? Небось, расслабляешься по полной?

– Да брось! Расслабишься тут... От твоей сестрицы нигде не укроешься. Все раскопает, выведает.

– Это точно. Кстати, она мне говорила что-то про твою работу, про какие-то там электромоторы, холодильные установки для Конго. Правда, я никак не пойму, какая связь между холодильниками для папуасов и пушечкой, которую ты наставлял на меня во дворе? – Зибенталь рассмеялся, Хорст тоже выдал на своем лице кривую улыбку:

– Не думал я, что Аннет копается в моих бумагах. Спасибо, буду теперь от нее прятать документы. Надо же, встречаешь черт знает где родственника из Штутгарта и он рассказывает, чем ты занимаешься в «секретной» боннской конторе. Ох уж эти женщины, везде суют свои длинные носы...

Хорст пододвинул Артуру свой коньяк, заказал еще и демонстративно посмотрел на часы. Зибенталь с жадностью выпил и с обидой сказал:

– На время посматриваешь. Понимаю, отделаться от меня хочешь... От родственника своего.

Артур уже захмелел, и в его голосе послышались плаксивые нотки. Хорст, отвернувшись, досадливо поморщился:

– Ну что ты, старина! Просто дела в конторе. Надо мне позвонить срочно.

Он встал, подошел к стойке бара, улыбнулся бармену и показал ему на телефон. Тот кивнул. Хорст снял трубку и набрал номер:

– Алло, это контора «Майнц-Телефункен»? Да, да, торговое представительство в Рейн-Вестфалии... Это говорит Хорст Фромм, представитель центрального налогового отделения Боннского управления, из отдела внешней торговли. Я договаривался сегодня на три часа. Как с кем? С господином Гизевиусом. Почему не может? Он сейчас разве не на службе? Странно... А с кем я разговариваю, простите? – Хорст недоуменно посмотрел на трубку пощелкал рычагами аппарата: – Что за черт, разъединили...

– Эй, Хорст, бросай трепаться, иди лучше выпьем! Сегодня я, видимо, не найду эту дурацкую картонажную богадельню, да и триста марок надо помянуть...

Похлопывая по спине подошедшего родственника, Зибенталь осушил новый бокал с коньяком.

– Нет, нет. Здесь что-то не так... И голос незнакомый. Позвоню-ка я еще разок этому Гизевиусу...

В это время в кафе с шумом ворвалась группа туристов, увешанных фотоаппаратами и одетых так, будто им предстояло восхождение на Джомолунгму. Один из солидных мужчин, в шортах цвета хаки и темных очках, запаса даже здоровенным ледорубом, нелепо торчащим из его рюкзака. Компания набросилась на пищу, которую им, очевидно, приготовили заранее, и стали ее с аппетитом поглощать, пока Хорст Фромм опять безрезультатно дозванивался в «Майнц-Телефункен».

Когда он снова вернулся к столику и закурил, нервно похлопывая ладонью по колену, Зибенталь придвинул ему коньяк и булку с ветчиной:

– Не расстраивайся, дозвонишься потом. Выпей. Хочешь, расскажу случай из своей жизни? Когда я гостил у двоюродного брата отца в Саарбрюккене, то познакомился там с одной прелюбопытной дамой. На первый взгляд она ничего собой не представляла, но была у нее одна маленькая странность. Она целыми днями бродила с ворохом газет под мышкой и чуть что – бух задницей на лавку и давай шелестеть страницами! Она читала все подряд. И «Беобахтер», и спортивные газеты, и светские хроники. Ты представляешь, светские хроники, кто с кем развелся, кто с кем играет в гольф или уединяется во время вечерних конных прогулок... Ну да я не то...

Зибенталь уже окончательно захмелел и стал путаться в словах. Фромм критически посмотрел на него, затянулся сигаретой, стряхнул пепел в пластмассовую пепельницу, застегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Нет, здесь что-то не так. Позвоню-ка я еще раз...

Пока он звонил, Зибенталь залез в бумажник и пересчитал наличные деньги, то и дело роняя на камень мощеного дворика пфенниги, визитные карточки и маленькие фотографии, похожие на порнографические открытки:

– Эх, дьявольщина, триста марок... Триста! А, Хорст. Садись, хватит бегать туда-сюда. Ты дозвонился? Ну чего? Опять нет твоего Гизевиуса?

– Гизевиуса. Теперь там вообще никто не подходит.

Хорст подсел к Зибенталю и стал рассеянно смотреть, как за соседним столиком туристы пожирали ветчину с овощами и активно откупоривали баночное пиво. «Гессер» был немного перестоявшим. Он бурно извергался из-под сорванных язычков.

Неожиданно где-то недалеко, нарастая, завывали сирены пожарных машин и едва заметно потянуло дымком. Фромм тревожно завертел головой, пытаясь определить, откуда идет этот запах:

– Не нравится мне все это.

– Да брось ты, заладил: не нравится, не нравится. Вот ты лучше дальше слушай. Ну, та бабенка в принципе ничего была. Немного перезревшая, но кое-что умела. Знаешь, штучки там разные.

Зибенталь, пьяно мотая головой, сделал неопределенный жест рукой:

– Ах да, я не совсем про нее. Так вот, у нее была подруга. Пошла она как-то раз в магазин, ну подруга эта с дочкой. И потеряла там ребенка в толпе. Представляешь, дура. Кхе, кхе... Искала, искала, потом смотрит – идет дочка, но будто года на два младше. Ну не отличишь, и платье такое же. Она к ней. За руку хватает, глаза квадратные, не поймет, в чем дело. А тут еще такая же девочка, но постарше. У нее даже припадок случился. Вдруг прибегает какая-то взбешенная женщина: чего вы, мол, мою дочь хватаете? Смешно? Оказывается, муж этой подруги был в разводе с той...

Было очевидно, что Зибенталь окончательно запутался, и Хорст перебил его:

– Слушай, Артур, меня уже подташнивает от твоих вечных историй. Надоело. Опять напился в полчаса... Тебе еще фабрику искать. Я пойду уже, если будет время, загляну к тебе. Пока!

Фромм шлепнул толстяка по ладони, которой тот попытался загородить ему путь к выходу и, перепрыгнув через кучу набросанных рюкзаков туристов, выскочил на улицу.

– Оказывается, это была дочь того парня, то есть сводная сестра, родная, но свободная... Эй, Хорст! – понеслось ему вслед.

Не оборачиваясь на крики Зибенталья, которые потонули в нестройном хоре туристов, затянувших что-то о полях и лесах, Фромм свернул за угол массивного здания старой постройки и вышел на центральную площадь рядом с кирхой.

Здесь в воздухе уже отчетливо пахло дымом. На площадь, чуть не налетев на Фромма, выскочила пожарная машина с включенной сиреной. Нетерпеливо сигнала и сверкая огнями, она въехала в одну из узких улочек и скрылась в ее искривлениях. За ней гурьбой пронеслись мальчишки на велосипедах, изо всех сил нажимая на педали. Хорст вышел на середину площади и поднял голову.

Над магистратом, вернее, за ним поднимался густой столб черно-синего дыма и уносился в сторону леса, на юго-восточную окраину Грюнешвейга. Секунду поколебавшись, Хорст решительно зашагал в ту сторону. Чем ближе подходил он к месту пожара, тем более тревожными становились лица людей, запирающих свои лавочки и магазинчики. А какой-то явно полоумный седой мужчина в затертом кителе военного образца, взобравшись по лестнице на второй этаж, заколачивал крест-накрест окна. В другом месте, почти у самых флажков оцепления, на свертках и чемоданах сидела сморщенная старуха. Она, пытаясь, отбивалась от озлобленных людей разных возрастов. Это была, очевидно, ее родня, которая хотела затащить старуху обратно в дом и убрать с проезжей части ее вещи. Соседи в другое время с удовольствием бы поглазели на этот цирк и от души посмеялись. Но теперь они с тревогой высовывались из окон, рискуя свалиться на тротуар, и подозрительно наблюдали за пожарными, как бы прикидывая, справятся те с огнем или нужно готовиться к бегству, подобно беспокойной старухе, сидящей на своем барахле. Та же, оскалив вставные зубы, скрипучим голосом проповедовала своей родне:

– Да отпустите меня, никуда я не пойду! Сейчас нас начнут эвакуировать в убежища. Неужели вы не знаете, как горят старые города? Сейчас все будет в огне, как в сорок пятом при американских бомбардировках... Безумцы, дураки, спасайте письменный стол и африканские маски из отцовской комнаты, им цены нет! Да нет же, я обратно не вернусь, мне еще рано в крематорий, я еще не сумасшедшая...

Молодцы в касках, не обращая внимания на вопли старухи, тем временем устанавливали стояк тройной разводки и накручивали муфты брандсбойных рукавов. Хорст аккуратно обошел пожарных, протиснулся сквозь толпу зевак и, ловко нырнув под натянутые флажки, оказался в огороженной зоне.

– Вы куда это? – преградил ему путь полицейский.

– Я представитель центрального налогового управления, вот мое удостоверение.

Он вынул книжечку, но полицейский, косо посмотрев на нее, лишь усмехнулся:

– Очень сожалею, но вам нечего здесь делать. Бороться с огнем дело пожарных, а не налоговых инспекторов. Попрошу покинуть зону оцепления!

Хорст замялся и оглянулся на толпу. Среди ее пестроты он заметил молодого человека с квадратной челюстью, который пристально глядел на него, прямо-таки сверлил взглядом. Рядом с ним стояла подвижная палатка, продавец которой, быстро среагировав на скопление людей, бойко торговал сосисками с соусом.

Толпа вокруг ограждений с каждой минутой становилась все больше. И, как всегда неожиданно, появились телевизионщики. Бесцеремонно расчистив себе место, они установили одну камеру на подъемнике, а с другой попытались прорваться за линию пожарных машин, перегородивших улицу. Хорст еще раз огляделся. Тип с квадратной челюстью куда-то исчез. Однако Фромм ощущал, что за ним наблюдают, хотя сейчас его волновало другое. Он до сих пор не мог определить, что горит. Здание исторического музея или местное отделение Промышленного земельного банка, на верхнем этаже которого размещалась посредническая контора фирмы «Майнц-Телефункен». Густой дым и изгиб узкой улицы закрывали ему вид на очаг пожара. Хорсту надо было срочно что-то предпринять. Тем более что полицейский, видимо не желая повторять свое предупреждение дважды, уже поигрывал дубинкой, переминаясь с ноги на ногу, готовился вышвырнуть обратно за ограждения растерянного представителя налоговой инспекции.

Между тем телевизионщикам разрешили продвинуться к центру событий, и они, увешавшись сумками, магнитофонами и ошестинившись микрофонами, нагло ворвались в фургончик начальника пожарной команды, откуда тот осуществлял связь со своими подразделениями. Начальник не имел возможности оторваться от наушников и с плохо скрытым раздражением отбивался короткими ответами от длинноногой девицы с блокнотом. Та же, прижимаясь к его плечу, выводила, каким образом происходит компенсация травм и увечий при тушении пожаров. Голос у нее был звонкий, с четкой дикцией, и говорила она очень быстро, практически без пауз:

– Ну хорошо, раз вы не знаете ничего про компенсации, расскажите хотя бы, сколько потребуется времени вашим людям, чтобы потушить, ну, например, соседнюю деревню Хейде?

– Не знаю, мне кажется, полминуты... Что?

Начальник плотнее прижал наушники к голове:

– Геннерт, что вы там делаете? Почему не можете? Крепкая? Попробуйте проникнуть со двора, но не прекращайте попыток взломать главную дверь. Поставьте к ней Кауля и Мербаха, пусть вырубят отбойником всю коробку. Об этом не беспокойтесь... Что вы хотите от меня, дамочка?

Через распахнутую дверцу Хорсту было видно, как журналистка вьется около пульта и заглядывает в глаза начальника пожарной команды. Тот отвечал на ее глупые вопросы и одновременно отдавал команды своим подчиненным.

– А скажите, пожалуйста, не опасна ли пена, как химическое вещество, для окружающей среды?

– Эта пена, милая дама, производится из детского туалетного мыла и гигиенической зубной пасты... Геннерт, Герт! Черт вас бери, не выключайтесь, как обстоят дела у первой группы? Как до сих пор не проникли! Геннерт, слушайте, если, не дай бог, наверху окажется какой-нибудь молокосос, запершийся со своей девчонкой для баловства, и если они там сдохнут, вы больше никогда не будете пожарными. Я вам это гарантирую... Нет, я вам доверяю, но просто напоминаю... Дамочка, дамочка, не прижимайте своим задом тумблеры на пульте, не то на базе решат, что горит весь город! Кстати, будет лучше, если вы покинете командный узел.

Полицейский в оцеплении увлеченно наблюдал за происходящим. Он, казалось, совершенно забыл о Хорсте. И когда тот напомнил о себе, взглянул на Фромма с изумлением, словно видел его впервые:

– Господин полицейский, скажите мне только одно, и я моментально уйду. Что горит, здание музея или банк?

– А, это опять вы! Банк горит. Все, выметайся отсюда, не то мне придется применить силу.

– Да, любезности у вас хватает только на первую фразу.

– Чего?

– Вот что, мне придется поговорить с вашим начальником, но не относительно вас, а относительно моего безотлагательного дела. Настоятельно прошу вас проводить меня к нему!

Полицейский нехотя повернулся и махнул рукой, приглашая следовать за ним. У патрульной машины они остановились:

– Господин лейтенант, тут один субъект хочет с вами поговорить. Сам озирается, весь какой-то затравленный. Показывал бумажку Боннского налогового управления. В высшей степени подозрителен.

Лейтенант, сдвинув фуражку на затылок, курил в машине.

Его объемный живот упирался в рулевое колесо, а мощная рука, обнаженная по локоть, покоилась на спинке сиденья. Он явно скучал, временами покашливая от едкого дыма. На Хорста взглянул мельком и неохотно бросил:

– Ну чего надо, говори и проваливай!

Фромм с нескрываемым раздражением покосился на стоящего рядом полицейского:

– Господин лейтенант, прикажите ему отойти, я не могу говорить в его присутствии.

– Хорошо. Вертхольц, отойди на пять шагов и держи этого парня на мушке. Если он начнет дергаться, стреляй куда учили. Все. Теперь слушаю.

– Я представляю здесь следственный отдел Германского отделения комиссии при ООН по контролю за распространением военных технологий. Мой отдел имеет статус Интерпола. Вот удостоверение и предписание об оказании содействия со стороны полиции, бундесвера и других организаций. Дело, по которому я здесь нахожусь, требует сугубой секретности, и поэтому вы лично несете ответственность за возможную утечку информации.

Лейтенант, бросив сигарету, принялся изучать протянутое ему предписание и удостоверение. Пристально разглядывая каждую строчку, будто проверяя фальшивую банкноту на наличие опечаток и неточностей, он все время пытался освободить свой лоб от наворачивающихся капель пота. Смахивал их несвежим платком, но они снова скатывались из-под коротко стриженных рыжих волос и из-под глянцевого козырька фуражки.

– Да, интересно, если я вам не поверю, вы что же, предъявите карточку, что вы канцлер или министр обороны?

Хорст в ответ холодно улыбнулся:

– Господин лейтенант, мне кажется, что в данной ситуации шутки неуместны. Постарайтесь отдавать себе отчет в своих действиях и словах.

Полицейский побагровел, расстегнул пуговицу рубахи и ослабил галстук.

– Ладно, не нужно на меня давить. Что вам требуется?

– Я нуждаюсь в помощи кого-нибудь из ваших людей и свободном передвижении в зоне оцепления. Кроме того, прошу убрать телевизионные камеры, чтобы избежать нежелательного попадания моего лица на федеральные телеканалы.

Хорст сунул обратно документы и выпрямился. Полицейский нехотя вылез из машины и облокотился на открытую дверцу.

– Что вы собираетесь здесь предпринять, если не секрет?

– Необходимо проникнуть на пятый этаж в контору «Майнц-Телефункен» до того, как пожарные залют там все. Проникнуть и вынести оттуда кое-какие документы.

– Это безумие. Вы угробите моих людей, да и сами сжаритесь, как в печке. Мне кажется, это надо поручить славным парням в белых касках с кислородом за спиной.

Хорст оглянулся на столб дыма, окутывающий здание, и холодно возразил:

– Сомнения ваши понятны, но мне кажется, что пожарные с большей охотой вытащат стопку «Плейбоя», чем нужные и важные бумаги. Я ожидаю от вас действий, господин лейтенант.

– Хорошо. Эй! Вертхольц! Вдвоем с Гесбергером будете помогать этому господину. У него важное задание. Все его приказания являются обязательными для исполнения.

Стоящий неподалеку полицейский, тот, что хотел вышвырнуть Хорста за флажки, козырнул и отправился за напарником. Дубинка и пара наручников уныло закачались на его бедре. Лейтенант, докурив сигарету, отогнал патрульный автомобиль в сторону, давая проезд настырно сигнализирующей громадной машине-цистерне. За ней осторожно пробиралась сквозь толпу еще одна. Водители раздраженно кричали на зевак, пугливо кидающихся в стороны от протекторов мощных и широких колес цистерн.

Хорст Фромм застегнул молнию куртки до конца, покрутил плечами.

Ничего не мешало, тело было готово к встряске. Подошли Вертхольц и Гесбергер. Хорст, пристально осмотрев обоих, сухо представился:

– Удо Цойшель. От вас, господа, потребуется максимальная концентрация внимания. Вперед!

Через несколько минут они втроем уже карабкались по старой металлической лестнице, врезанной в кирпичную стену, со стороны двора. Патрульный пожарный, с передатчиком у рта стоящий напротив, на крыше исторического музея, увидел их, недоуменно пожал плечами и равнодушно отвернулся.

Лестница заметно раскачивалась. Из щелей между оконными рамами густыми струями валил дым, лез в горло, легкие, въедался в глаза. На пятом этаже на головы смельчаков хлынула вода, падающая по внутреннему скату крыши. Вертхольц от неожиданности чуть не сорвался вниз.

– Черт побери, полицейского сделали верхолазом, а теперь вот и пожарником.

Гесбергер, сопя и утирая рукавом мокрое лицо, размазывая по нему осевшую на кожу гарь, процедил сквозь зубы:

– Принес же ветер из задницы этого малого со своими проблемами. Сейчас стоял бы спокойно в оцеплении, а тут прыгай, как макака на сковородке...

Фромм в это время, разбив носком туфли стекло, старался отщелкнуть оконную задвижку, но та не поддавалась. Пришлось раскрошить еще одну створку и выломать перекладину. Протяжно и тоскливо завывли сирены внутренней сигнализации. Ругаясь и стряхивая с полей фуражек колотое стекло, полицейские влезли в помещение вслед за Хорстом, спрыгнули со стола, стоящего прямо под окном, и прошли через широкую комнату к противоположным окнам. За ними уже бушевал огонь и рвался вверх плотный дым. Фромм прислонился лбом к горячему стеклу и смотрел вниз на толпу, выискивая того парня с квадратной челюстью.

Неприятное чувство прозрачности стен, через которые изучал его чей-то взгляд, усилилось. Он раздраженно повернулся к тихо шумящей телевизионной камере, вмонтированной под потолком, и запустил в нее металлическим стулом. Та оторвалась, повисла на проводах, а стул рухнул на пишущую машинку, из которой торчал лист бумаги.

Гесбергер выдернул его и прочитал:

«Ты кретин и подонок, и если ты сюда забрался, то вряд ли отсюда выберешься. Привет от Али-Бабы!»

Вертохольц заглянул ему через плечо:

– Наверное, машинистка готовила письмецо своему шефу, потому что ей надоело, когда шарят под юбкой. Однако я надеюсь, что господин Удо Цойшель быстро отыщет все, что ему нужно, и мы уберемся отсюда, а то я уже ощущаю, как нагреваются мои пятки.

Хорст взял у Гесбергера бумагу, повертел в руках:

– Если бы это не было так невероятно, я решил бы, что это письмо адресовано нам.

– Что вы говорите, господин Цойшель? – не расслышал Гесбергер.

– Ничего, – Хорст взял со стеллажа одну из папок и начал быстро ее пролистывать, – свяжитесь с лейтенантом, пусть он организует наблюдение за окнами всех зданий, выходящих на фасад банка. Боюсь, нам могут помешать отсюда выбраться. По крайней мере, это логично.

Гесбергер замялся:

– Но у нас нет рации, она осталась у старшего наряда, у Бредера...

– Черт возьми, вы полезли в горящий дом и не прихватили связь, вот это фокусы, господа полицейские!

Хорст покрылся испариной, захлопнул папку и сорвал трубку телефона, но она была глуха. Телефаксы тоже не работали. Тогда, подбежав к окну, Хорст рванул раму на себя, но сразу же ее захлопнул: в комнату повалил горячий дым.

– Значит, так, Гесбергер, вы должны спуститься вниз и передать все, что я сказал лейтенанту, а затем вернуться к нам с рацией. Действуйте! – Хорст отвернулся от понурившихся полицейских и снова занялся документами: – Вертохольц, нам надо все документы здесь посмотреть, одни взять с собой, другие уничтожить.

– Так это и без нас огонь сделает...

– Может, сделает, а может, нет... Ну-ка, а в этом ящике что? Заперт. Вертохольц, взломайте этот ящик!

– Господин Цойшель, вы уверены в том, что вы делаете? Может, свалим отсюда? – пробурчал Гесбергер, присев на столе, заваленном битым стеклом и щепой от искромсанной оконной перекладины.

Хорст, не оборачиваясь, злобно крикнул ему:

– Вы что, еще не спустились?

Полицейский лениво влез на подоконник, перескочил на лестницу и начал спускаться. Вертохольц тем временем выламывал ящик. Покончив с ним и высыпав его содержимое перед Хорстом, он принялся выдергивать ящики из всех столов. Те, что были заперты, с видимым удовольствием разбивал. Напоследок он сломал ящик, из которого высыпались образцы разноцветных зубных щеток, одноразовых бритвенных станков без упаковок, тюбиков с кремами, пастами, пузырьки лосьонов и еще какая-то мелочь интимного свойства. Все это барахло в подступающем огне и едком дыме смотрелось наивно и беззащитно, словно детские игрушки...

Потом полицейский принялся стаскивать и сыпать в центр комнаты все папки и скоросшиватели:

– Вот, уважаемый, – тяжело отдуваясь, сказал он, стирая копоть со своего лба, – все, что удалось найти. Кстати, вы скажите, на что похожи ваши бумаги, и я тоже пороюсь...

Фромм, уже отложивший в сторону несколько заинтересовавших его документов, отрицательно мотнул головой:

– Эти бумаги похожи на все другие конторские бумаги, вроде тех, что каждый месяц присылаются по почте, в виде счетов на газ, электричество, телефон и воду. Боюсь, вы не справитесь... Попробуйте-ка лучше повозиться с сейфом, может быть вам удастся подобрать код, а ключ наверняка спрятан где-то рядом. Как обычно...

– Да нет, он открыт и там пусто.

– Вот даже как. Грубо, очень грубо сработано... Теперь меня уже никто не уверит, что пожар возник случайно.

– Но ведь он начался внизу, в банке. Это ведь, насколько я понимаю, другая богадельня, господин Цойшель.

– Видимо, бизнесмены из «Майнц-Телефункен» решили приписать гибель документов пожару в банке. Еще ему и иск предъявить не постесняются. Для отвода глаз, опять же. Подозрительно не потребовать компенсацию за уничтоженный офис, не так ли?

– Так. – Вертхольц согласно кивнул.

Хорст прошел мимо полицейского и остановился у открытой двери сейфа:

– Да, действительно ничего нет.

Он нагнулся и взял с верхней полки стопку чистой бумаги, залитой сверху темными чернилами.

– Что ж, разумно. Сгоревшая в сейфе девственная бумага без следов чернил может навести на мысль, что она заменяет собой документы, которые перекочевали в другое место. – Хорст бросил бумаги себе под ноги и внимательно посмотрел на Вертхольца. – Кстати, господин полицейский, вы предупреждены о том, что разглашение любой информации по поводу того, что вы здесь увидели или услышали, может грозить вам тюремным заключением?

– Теперь уже предупрежден. Но позвольте вопрос: какая может быть угроза в этих зубных щетках и презервативах? Они что, дырявые?

– Это ширма, Вертхольц, ширма и больше ничего... Все, вы меня отвлекаете! – Фромм мгновение прислушивался к звуку падающей на крышу воды и гудению пламени на нижних этажах. Потом скинул куртку обнажив кобуру с торчащей из нее рукояткой револьвера, сунул в рот сигарету, закурил и продолжил поиски.

– Надо же, курит. Здесь жарница как в бане, дышать уже нечем, а он курит. Хорошо хоть эти штуки с крышками...

Вертхольц подошел к одному из вентиляционных отверстий и плотнее закрыл его задвижкой.

Несмотря на это, едкий дым продолжал сочиться. Полицейский закашлялся до слез, выругался так крепко, как умел, и добрался сквозь сизую дымку к разбитому окну.

– Уже ни черта не видно, скоро и помочиться не смогу, не найду в тумане агрегат... Фу... свежий воздух! – Он расстегнул на мундире все пуговицы, скинул фуражку, провел ладонью по взмокшим волосам, глянул вниз и сразу отшатнулся от окна: – ... Эй! Эй, как там... Цойшель, скорее!

Хорст, будто ожидая этого зова, кинулся к окну. Отпихнув замаявшегося полицейского, он свесился через подоконник. Внизу, на мокрых плитах узкого двора, лежал Гесбергер, его фуражка валялась неподалеку.

– Он что, сорвался? – удрученно выдавил из себя Вертхольц.

– Мне кажется, ему помогли. Отойди-ка от окна, парень...

– Да, да, конечно...

Они вместе уселись на палас рядом с окном. Фромм вынул из-под себя пачку маркировочных фломастеров, зло швырнул их прочь. И в этот момент с ужасающим звоном и хлопотаньем лопнули стекла крайнего окна. С улицы ворвался огонь и стал расползаться по комнатам офиса.

Пламя принялось облизывать раму, загибаясь отдельными языками к потолку, который моментально закоптился, а из щелей у плинтуса поползли густые струи черного дыма.

– Кажется, четвертый этаж занялся вовсю! – Хорст потрогал ладонью горячий пол. – Скоро на нем можно будет поджаривать яйца. А что, как вы думаете, Вертхольц, тот пожарный, на крыше музея, все еще там? Хотя он, наверное, не видит лестницу уже на уровне третьего

этажа. Поэтому падение этого бедняги мог и не заметить. Ну, правильно, если б заметил, его бы моментально подобрали...

Вертольц, бледнея, вскочил. До него, кажется, только сейчас дошел весь ужас создавшегося положения:

– Надо убираться отсюда, надо спуститься к Гесбергеру, может быть, он еще жив!

– Не дергайтесь, господин полицейский, если не хотите получить пулю между глаз. Им нужно, чтобы здесь все сгорело и никто не вынес отсюда ни одного документа.

– Что за бредни! Было бы проще пришить вас в самом начале, пока мы еще только лезли сюда.

– Конечно, – ответил Хорст спокойно, – но и у каллиграфов бывают помарки. Прозевали они меня. Прозевали. Это факт. А откровенно навязчивое внимание к моей персоне говорит о том, что «комиссия» на правильном пути.

Полицейский весь затрясся:

– Какая комиссия! Да прекратите строить из себя героя! Дело дрянь, надо уходить. И мне кажется, что все, что вы говорите, просто бред сумасшедшего!

Он закашлялся, полез в окно и тут же отпрянул. Пуля, чиркнув по раздвижной перегородке, разворотила дисплей компьютера. По комнате разлетелись части корпуса и мелкий бисер взорвавшегося вакуумом кинескопа. От простенка с глухим шлепком отлетели куски штукатурки, брызнули осколки кирпича. Отплевываясь, Вертольц выхватил револьвер и принялся отчаянно палить в окно, по черепице соседнего здания. Хорст присоединился к нему:

– А что, хорошая идея! У нас-то хлопушки без глушителей! Может, заметят, олухи, нашу пропажу. Продолжайте стрелять, а я вернусь к нашим баранам!

Он прополз к столу, где громоздились отобранные материалы. Стащил их на пол и, щуря слезящиеся глаза, плотно связал между собой все бумаги и папки. Затем, разбив настольной лампой выходящее на улицу окно, вышвырнул бумажную пачку наружу. Немного подумал и послал вслед лампу, а потом добавил пишущую машинку. Из дыма появился полицейский:

– Патроны кончились. Но надеюсь, пальбу заметили. Я, кажется, посшибал пару горшков в окнах напротив... – Он задыхался, глаза его вылезли из орбит, как у поджариваемой рыбы.

– Там двор, к сожалению, глухой. К тому же твой лейтенант пока сообразит что за пальба, откуда, зачем... Он-то небось думает, что мы сейчас жрем сосиски с пивом в подвальчике за углом. Уф, как тяжело дышать! Будто в паровозной топке. Мне кажется, у нас минут десять от силы. Потом просто обрушатся перекрытия пятого этажа. Они как пить дать деревянные и уже прогорают снизу. – Хорст несколько раз топнул по дымящемуся под ногами полу: – Чуешь, как печет. Так вот. Бери все, что под руку попадется, и кидай из окна.

– ... Э! – Вертольц неожиданно закатил глаза и рухнул пластом, потеряв сознание.

Хорст издал пересохшим горлом странный звук, похожий на что-то среднее между смехом и предсмертным рыком затравленной волчицы. Хватаясь руками за горло и почти вслепую, он начал вышвыривать в окно, в которое уже врывалось жадное пламя, все, до чего мог дотянуться. На каски пожарных, на крыши их машин полетели стулья, обломки ящиков, процессоры и дисплеи компьютеров, ворохи канцелярских принадлежностей, тумбочка, туфли, рубашка, кобура...

Пожарные, скрипя от злости зубами, оттянули двух ушибленных своих товарищей к каретам скорой помощи. Затем они взобрались по подведенной к оконному проему пятого этажа пожарной лестнице и влезли внутрь конторы...

Через десять минут пожарные осторожно спустили вниз и на носилках отнесли к санитарным машинам двоих мужчин, едва подающих признаки жизни.

Врач констатировал ожоги кожи и легких. Он поправил под головой одного из пострадавших подушку и повернулся к сестре, которая обрабатывала ожоги аммиакосодержащим препаратом.

– Керстин, распорите всю оставшуюся на них одежду и вынесите ее из машины: паленым воняет невыносимо...

– Хорошо, господин Брандамайер.

В приоткрытое окно санитарной машины заглянул полицейский лейтенант, покосился на трубки капельниц, вползшие в вены и ноздри неподвижно лежащих:

– Господин доктор, вам еще одного принесли...

Доктор Брандамайер, торопливо хлопнув дверью, склонился над телом:

– Это уже не по нашей части. Он мертв. Огнестрельная рана в области левой лопатки, множественные переломы грудной клетки и костей черепа...

Из дверцы реанимационного фургона высунулась медсестра. Протянула Брандамайеру кусок обгоревшей бумаги с компьютерной распечаткой. Там поверху столбиков цифр было что-то написано от руки.

– Вот, нашла. У одного из них в кармане брюк было – как не сгорело – непонятно!

– Так, что здесь такое... Посмотрим. – Врач вплотную приблизил клочок бумаги к лицу и с трудом разобрал написанное: «Любому полицейскому с последующей передачей офицеру». – Керстин, отнесите это лейтенанту. Вон он курит у своей машины.

Сестра взяла послание и направилась к полицейскому. Однако на полдороге она не удержалась и, убедившись, что на нее никто не смотрит, развернула с интересом записку, но тут же разочарованно хмыкнула, не найдя в ее содержимом ничего душещипательного. На обгоревшем листе бумаги было всего несколько слов:

«Господин лейтенант, прошу вас отыскать пачку документов, брошенную мною с пятого этажа. Это очень важно. Фромм Хорст».

Глава 6

Ягов проиграл гейм на своих подачах, вместе с ним второй сет и, сунув ракетку под мышку направился к скамейке. По пути он с досады расшвыривал ногами разбросанные по всему корту ярко-зеленые мячики. На скамейке со скучающим видом его ждала Вера. Василий Ефремович сел рядом, обер лицо махровым полотенцем и хлебнул из термоса сладкого чая:

– Ну что, Верочка, нравится тебе теннис?

– Ничего интересного.

Подул холодный осенний ветер. Вера поежилась, накинула на плечи поверх вязаного свитера куртку и, глядя, как дымится в стаканчике чай, спросила:

– А как зимой играть, снег же будет?

– Вот чудная. Для этого есть закрытые площадки. Можно было уже сегодня там играть, но здесь на воздухе приятнее. Хотя ты права. Под крышу нужно. Скорее всего, мы здесь последний раз в этом году. А тебе тоже надо начинать. Отец просил приобщить тебя к спорту.

– Вы для этого меня с собой взяли, Василий Ефремович?

– Конечно. Вон видишь того пожилого мужчину? У меня, зараза, постоянно выигрывает. Так у него тоже дочь. Играет уже два года. Причем неплохо. Вот на пару и будете... Эй, Феофанов! Прекратите сейчас же тренировать подачу, вы и так меня разнесли вчистую!

Мужчина, которому было далеко за пятьдесят, перестал сосредоточенно запускать через сетку мячи и улыбнулся:

– Замечание принимается, Василий Ефремович. А что, ваша молодая, очаровательная спутница, не хочет попробовать?

– Нет, она нас, стариков, стесняется. Ну, идите же сюда, попьем горяченького...

Ягов откинулся на спинку скамейки и окинул взглядом засыпанные листьями корты. Невдалеке, сквозь уже оголившиеся верхушки лип и кленов, проступала громада футбольного стадиона. По аллее, проложенной между кортами, шатались праздные прохожие. Они жевали чипсы или, изгибаясь, засасывали губами капающее мягкое мороженое. Некоторые подходили к ограждениям кортов и недоуменно, порой с насмешкой, а чаще с тщательно скрываемой завистью, смотрели на бегающих людей в роскошных спортивных костюмах и кроссовках. Эти играющие пары пожилых мужчин и женщин, экипированных «по полной программе», вызывали у прохожих чувство досады за то, что не они и не их прыщавые сопливые дети носятся в дорогой одежде за мячиками. Зеваки, стоя за проволочной сеткой, смотрели на совершенно странный для них мир. Мир из какой-то другой неведомой для них богатой жизни.

Ягов помахал рукой девушкам-подросткам, вцепившимся пальцами в сетку, и улыбнулся. Уж очень они напоминали своими раскоряченными напряженными позами плакат в защиту черного населения Родезии. Девушки вздернули неумело припудренные носы и, нарочито гордо прошествовав мимо мусорного бака и палатки пепси-колы, окруженной скучающей очередью, скрылись в боковой аллее.

– Что, испугались тебя девочки, Василий Ефремович? – ухмыльнулся Феофанов и сел рядом с Верой. Та подвинулась поближе к Ягову, отвернувшись от пахнущего едким потом игрока. Он же, не замечая этого, продолжал: – Неплохо сегодня идет. Почти все удары в поле... Но я так понимаю, игра на сегодня окончена, и нам нужно с вами кое о чем переговорить?

Ягов кивнул:

– Верочка, будь так любезна, сходи к выходу, взгляни, не приехал ли Горелов. Ты ведь знаешь Горелова? В очках такой...

– Знаю.

Девушка поднялась и, не вынимая кулачков из оттянутых рукавов свитера, похожая на пингвина, направилась к калитке. Она осторожно обходила размахивающих ракетками игро-

ков и испуганно пригibasась, если кто-нибудь из них вскрикивал, выкладываясь в мощном ударе. Феофанов плотоядно проводил взглядом ее ягодицы, упруго перекатывающиеся под джинсами:

– Василий Ефремович, что это за дева такая чудная? В ресторанчик с ней нельзя ли сходить? Или это ваша пассия?

– Это дочь моего школьного друга. Считайте, что это моя дочь.

– Хорошенькая дочка. А почему же самого друга здесь нет?

– Давайте без намеков. У вас что, в Генштабе принято подкалывать партнеров? – Ягов поморщился и, потрогав пальцами обод ракетки и съехавшие струны, продолжал: – Я, собственно, позвонил вам потому, что к сегодняшнему дню должно было кое-что проясниться по нашему с вами делу. А именно, будет ли та поставка, о которой вы информировали?

Феофанов потер неожиданно вспотевшие ладони:

– Я могу дать положительный ответ. Да. Будет.

Ягов оглянулся – рядом никого не было. Он вдруг стал необычайно серьезным:

– А теперь подробнее. И кратко.

Феофанов кивнул:

– Недавно через афгано-пакистанскую границу прошел «говец». Он передал список и параметры интересующего нас груза, охранять который должны бойцы «Ориона».

– Что такое «Орион»?

– Спецподразделение. В основном офицеры. Грубо говоря, наемники-профессионалы.

– Понятно.

Ягов на мгновение задумался.

– Бог с ними, с офицерами. Я вас прошу – говорите по существу. Вы же полковник Генштаба.

– Хорошо, буду краток, как на совещании начальников штабов. Хотя там все...

– Позвольте!

– Ладно, ладно. Кратко! Значит, так. Этот «почтальон» пришел по нашему каналу и сообщил, что количество, состав и цена груза устроили покупателя. Возникли разногласия только в вопросе транспортировки его из Союза. Кстати, позвольте мне в дальнейшем называть всю технику и аппаратуру «Проволокой», так удобнее.

Феофанов заерзал и заметно дрожащей рукой налил себе чаю. Ягов согласно кивнул:

– Что ж, пусть «Проволока», хотя можно было бы и не так явно. Но вам и карты в руки. Между прочим, мне до сих пор не ясен состав этой всей... – Ягов замялся, подыскивая нужное слово, – аппаратуры. Что это? Чем мы рискуем?

– Мы рискуем очень серьезно. Я вам сказал в прошлый раз только об навигационных приборах для стратегических бомбардировщиков, но это не все. Далеко не все... – Феофанов судорожно передернул плечами. – Кроме навигационных приборов и теплонаводящихся артиллерийских прицелов, там будут электронные системы наведения для средних ракет «земля-земля».

Ягов улыбнулся, положил ладонь на свое громко и часто стучащее сердце и закрыл глаза:

– Да намечается дело всей моей жизни. Масштаб, объем... Но, черт возьми, дело это действительно рискованное. В случае неудачи стопроцентный расстрел. А вам как видится? Вам, как полковнику секретного подразделения святая святых, мозга нашей армии?

– Мне? – Феофанов побледнел. – Расстрел?

– Ладно, ладно, не бойтесь, – Ягов улыбнулся, – хотя я теперь понимаю, почему у вас так трясутся руки. Связаться с криминалом... Скажите еще спасибо, что я не агент спецслужб одной из капстран. Например, Америки!

– Надеюсь, хотя до конца не уверен. Ведь я так сначала и думал, когда вы два года назад приклеились ко мне по этому делу с неохраняемыми армейскими оружейными складами в степях под Саратовом. Потом я рискнул поверить, что вы просто бандит, мафиози.

– Ну не надо таких слов. Я... предприимчивый человек. А что вы, если не секрет, сделали с теми деньжищами, которые получили за информацию по складам?

– Секрет. Но прошу вас, не будем об этом. Почему вы не дослушали по составу «Проволоки», не интересно?

– Очень интересно. Просто растягиваю удовольствие. Итак...

Феофанов выдержал паузу.

– Основа груза – электронная начинка для ядерных взрывных устройств. Семь комплектов.

– Ого! – Ягов азартно потер руки. – Может, оставить их себе?

– Нет смысла! – Феофанов пожал плечами. – Без заряда это просто груда проводов и непонятных деталей. Даже музыку через них не покрутишь.

– Образно мыслите, полковник. Однако сколько может стоить вся эта «Проволока», у вас есть прикидки?

– Зачем прикидки, – Феофанов обиженно хмыкнул, – есть точная цифра. Оплачиваем ведь мы сами, армия. Эту цифру я знаю.

Ягов нетерпеливо оборвал его:

– Не тяните...

– Девяносто два миллиона долларов. С хвостиком.

Полковник полез в сумку за сигаретами и закурил, глубоко затягиваясь, пуская дым через ноздри.

– Прекрасно! Даже если мы сплавим «Проволоку» в два раза дешевле, то навар будет сорок шесть лимонов с гаком. Ну, конечно, минус расходы на процесс...

Ягов рассмеялся:

– Вы молодчина, Феофанов. Подарили мне настоящую работу!

– Не обольщайтесь. Я, например, не представляю, как можно украсть такой груз и вообще как все это можно повернуть. Как получить деньги?

– Да, это непросто, но мы все придумаем. У меня есть один головастый очкарик, неудавшийся математик. Он все обмозгует и выдаст, я уверен, не один, а несколько вариантов возможных действий. Горелов его фамилия, должен с минуты на минуту подъехать.

Феофанов, казалось, не слышал Ягова. Он курил, постоянно поправляя волосы на лбу, ерзал пальцами по одежде, косил по сторонам и тяжело вздыхал. Василий Ефремович, усмехаясь, спросил:

– Вы что, полковник, боитесь подцепить блох, все смахиваете что-то с себя?

– Я боюсь «жучков».

– Это такие микрофончики маленькие?

– Именно.

– Они что ж, тоже летают? Как ракеты «земля-земля»?

– А бог их знает...

– Похвальная осторожность.

Ягов как-то странно посмотрел на генштабиста: «Спятил он. что ли, совсем? Не подвел бы, подлец...»

Неожиданно они оба обернулись. В спинку скамейки попал мяч игроков с соседнего корта. Над всей игровой площадкой стоял дробный, неровный звук ударов, глухие шлепки мячиков по асфальту и шорох падающих капель дождя с однотонного, будто покрашенного серым малярным валиком неба. И было видно, как по аллее от главного входа к скамейке идет Вера. За ней спешил маленький, почти лысый человек в длинном кожаном плаще, со старо-

модным портфелем в руках. Он что-то спрашивал девушку, та неохотно, через плечо отвечала. Потом махнула рукой в направлении кортов и, круто развернувшись, направилась в противоположную сторону к баскетбольным площадкам.

Горелов, а это был он, недоуменно проводил ее взглядом из-под старомодных очков в роговой оправе и двинулся дальше, уже заметив Ягова и Феофанова. Полковник заторопился:

– Давайте быстренько договорим. А то к вам направляется вон тот тип. Наверное, не стоит афишировать наше знакомство при посторонних.

– Не стоит. При посторонних действительно не стоит. Но это, – Ягов указал рукой в сторону спешащего к ним, – один из немногих посвященных во все подробности. Это Горелов. Именно он будет прорабатывать все варианты, и он как раз должен знать все. У математика могут возникнуть к вам вопросы, и вы на них ответите, идет?

– Как скажете, – Феофанов кивнул, – но будьте осторожны со своими людьми. Не доверяйте никому. Впрочем, это ваше дело. Меня сейчас волнует вопрос об оплате моего скромного труда. Информация к вам уже идет, а деньги ко мне нет. Я хотел бы получить аванс...

Полковник вопросительно посмотрел на собеседника. Тот молчал. Пауза затягивалась. Феофанов почувствовал, как покрывается мурашками. Наконец Ягов разжал зубы. В его голосе послышалось раздражение.

– Вы еще слишком мало мне поведали. Кроме того, что «Проволока» кому-то нужна, кроме ее состава, я не знаю ничего. Ни страны откуда, ни страны куда, ни маршрута следования, ничего. Вам не кажется, уважаемый генштабист, что платить пока не за что?

– Все будет, не волнуйтесь. Мне незачем обманывать. Я заинтересован в том, чтобы у вас все получилось.

– Ну хорошо. А сколько вы хотите?

– Пять миллионов долларов в каком-нибудь иностранном банке плюс загранпаспорт.

– Не смешите, вас ведь не выпустят из страны, полковник.

Феофанов упрямо дернул подбородком:

– Я все продумал. Я езжу в командировки. В Сирию, Болгарию, на Кубу... Шансы проскочить железный занавес у меня есть.

Ягов впервые с интересом посмотрел на генштабиста:

– А как же семья? Уйдете один? Впрочем, смотрите, вам виднее. А в принципе я не против отвалить вам денег, Феофанов. Все равно, я так ощущаю, траты предстоят огромные, но вы должны открыть мне все карты...

Полковник вскочил и быстро прошелся вдоль скамейки, размахивая руками:

– Где гарантии, что, все вам рассказав, я не останусь обманутым, выкинутым из дела?

Ягов сощурился, раздраженно повел плечами и оглянулся на Горелова, входящего на площадку:

– Вы можете подстраховаться. Например, сообщите мне так называемую «контрольную ложь». Неверные данные, с одной стороны, могут существенно повлиять на проведение операции, а с другой – могут быть легко исправлены. Просто звонком по телефону в подходящий момент. Например, указание неверного номера железнодорожного состава или времени его следования. И, наконец, на крайний случай вы можете просто зайти в особый отдел и покаяться. Вас отстранят, а нас расстреляют. Все, полковник. У вас отлегло?

Феофанов успокоился и вновь подсел к Ягову.

– Да. Но откуда вы узнали, что «Проволока» поедет по железной дороге?

– Предположил.

– Хорошо. А какие все-таки гарантии, что вы оплатите мне все, когда заберете «Проволоку» и переправите ее по адресу?

Ягов вздохнул:

– Без вас, полковник, мы не обойдемся. На каждом этапе будущей операции нужна будет ваша консультация. Так что не занудствуйте. Со складами ведь не обманули, хотя часть оружия была перехвачена на дорогах милицейскими и армейскими патрулями. Вам же все выплатили...

– В общем, да. Хорошо, к этой теме я еще вернусь. А скажите, Ягов, куда вы тогда дели столько оружия? Там автоматов и карабинов, включая гранатометы и минометы, было на целую дивизию. О боеприпасах уж не говорю. Просто море. Неужели продали, неужели все разошлось?

Ягов, плохо скрывая возрастающее раздражение, пробурчал:

– Не буду особенно распространяться, но кратко скажу. Часть, как вы уже узнали, вернулась обратно государству при транспортировке, часть ушла в тайники, остальное моментально разошлось. В основном на Кавказ и в Сибирь. Вы вот что, не мучайте себя сомнениями, а то помрете раньше конца операции... Ну, ну! Не дергайтесь, это я вам не угрожаю – шучу. Успокойтесь. Нам нужно еще много работать, чтобы достичь поставленной цели. Вы мне очень нужны, не скрою. А с деньгами уладится. Все будет хорошо. Подождите, я сейчас.

Ягов поднялся и сделал несколько упругих шагов навстречу приближающемуся человеку в очках. Тот переложил портфель в левую руку, украдкой вытер потную руку о плащ и, протянув ее для приветственного рукопожатия, расплылся в наигранной улыбке:

– Доброго здоровьяца, Василий Ефремович, рад видеть в отличном состоянии духа!

– С чего ты взял, что я в хорошем настроении? – Ягов сунул свою ладонь во влажную руку Горелова, которую тот принял усиленно трясти. – Все, брось, Горелов, руку оторвешь...

Ягов поморщился. Феофанов тем временем аккуратно перешнуровывал кроссовки, над чем-то сосредоточенно размышляя.

– Так что новенького, Василий Ефремович?

– Кое-что есть. Слушай, куда наша девочка делась?

– Она, Василий Ефремович, к каким-то парням пошла, поговорить, знакомые, что ли...

– Ладно, я тебе по делу пересказывать ничего не буду, зачем работать как испорченный телефон. Вот сидит первоисточник. Все вопросы к нему. – Ягов положил на скамейку ракетку, прикрыл ее чехлом. – Вы, полковник, приглядите за моим «оверсайсом» ненаглядным и побеседуйте с этим человеком. Заочно вы знакомы, теперь будете знакомы очно. Просьба не скрывать друг от друга и проработать план дальнейших действий. А я пойду поищу нашу красавицу. Посмотрю, куда она делась... Успехов вам.

Он решительно направился к баскетбольным площадкам, скрытым от взгляда приземистым административным зданием спорткомплекса. Перед тем как обойти его, Ягов обернулся. Феофанов с Гореловым вяло переговаривались, посматривая на небо и на крутящиеся в воздухе листья. Со стороны могло показаться, что они обсуждают погоду, цены на фрукты или скучную телепрограмму на неделю.

Ягов прошел под навесом стадиона, обогнул дымящуюся кучу листьев, пропустил перед собой электрокар, несущийся с бешеной скоростью по асфальтовой дорожке, и увидел Веру. Она разговаривала с двоими молодыми людьми. Один из них, в спортивном костюме, с всклокоченными волосами и блестящим от пота лицом, все время покатывался со смеху. Второй, говоривший с каменным лицом что-то очень смешное, был на голову выше и мощнее первого. Он держал в руках студенческий пластмассовый тубус, часто крутил его, поправляя на плече объемную, тяжелую сумку.

С дорожки, по которой шел Ягов, хорошо просматривалась площадь перед главным входом, с расходящимися от нее аллеями.

Между ними уныло пустовали детские игровые площадки с песочницами, качелями, сказочными теремками, городками и нелепыми в это время года горками. Среди деревянных фигурок сказочных богатырей и гномов бродила сторбленная старуха и шарила палкой среди

мусора и листьев, разыскивая брошенные пустые бутылки. На скамеечке рядом, нагло сидя на ее покатоj спинке и поставив ноги на сиденье, скучали два типа в светлых плащах. Один жевал резинку и крутил на пальце связку ключей, тупо глядя перед собой, другой дремал, подставив под подбородок кулаки. Это были люди Ягова. Увидев шефа, жующий поднялся, но Василий Ефремович раздраженно махнул рукой, и тип вернулся обратно на скамейку. Второй проснулся, зевнул и принялся прохаживаться, разминая ноги и потягиваясь. Ягов приблизился к Вере:

– Вот ты где, а я уже волноваться начал, куда ты запропастилась.

Он улыбнулся обернувшейся девушке. Та вздохнула:

– Да я встретила бывших одноклассников. Это Денис. – Она показала рукой на высокого с тубусом. – Он теперь студент МИСИСа, а это Женя, теперь просто призывник. А это Василий Ефремович, друг моего отца и мой начальник на работе.

– Ну брось, Вера, это еще не известно, кто чей начальник...

Ягов протянул руку парням, те неохотно приняли рукопожатие.

Денис перевесил тяжелую сумку на другое плечо и сощурился:

– Так вот, продолжая прерванный рассказ... Представьте себе, этот Леня теперь перешел в другую ипостась. Он нынче уже не ездит в Ереван и Алма-Аты, соревноваться в гонках с преследованием при участии местных разъяренных толп. Он теперь ходит с самурайскими мечами за спиной и умиряет пьяных в кабаках. Каково?

– Брось, не может быть такого. Я его как-то встретил на улице, нормальный чувак, только волосы крашенные. – Парень в спортивном костюме слегка расстроился, вытер плечом пот со щеки и покосился на Ягова. Тот мягко взял девушку под локоть:

– А что, молодые люди, можно ли мне похитить вашу даму?

– Ну, Василий Ефремович, – девушка осторожно высвободила руку, – опять сидеть и смотреть, как вы играете с этим военным... Вы идите, я сейчас приду, только вот с ребятами поговорю, а то живем на одном бульваре, а все никак не соберемся, не повидаемся, у всех свои дела.

Ягов весь внутренне подобрался:

– С чего это ты взяла, что Феофанов военный?

– Ну вот, товарищ начальник, уже устраивает разборки беззащитной малышке. Разве так можно, уважаемый? – вмешался вдруг в разговор Женя. – У нас, между прочим, свои «терки» были...

– Секундочку подождите, молодые люди, мы вообще-то сейчас уже уезжаем домой. Так почему военный, Вера?

– Да у него это на лице написано, к тому же на волосах вмятина такая, как от фуражек остается. А может, он и из милиции...

– Я и не знал, Вера, что ты такая наблюдательная. А может, ты уже поделилась какими-то своими наблюдениями с молодыми людьми?

Ягов сунул руки в карманы и нахмурился. В разговор вмешался парень с тубусом:

– Ну зачем вы устраиваете сцену? Она сидит себе на стульчике спокойно, клацает по компьютеру пальчиками и не суется ни в ваши дела с военными, ни в ваши папки, и как это... планы местностей в произвольном масштабе...

Денис досадливо поморщился и потянул за плечо товарища, не замечая, как недоуменно исказилось лицо Ягова.

– Давай, Женя, оставим сослуживцев в покое, пусть обсудят свои тонкости, а то навлечем на бедную Веру гнев начальника. Пойдем-ка я тебе про Леню дорасскажу.

– Нет, ты же видишь, он ее тиранит... – Женя подался немного вперед, выставив выпуклую широкую грудь, – и вообще, Веру нужно проводить.

– К сожалению, в машине вам не хватит места! – резко сказал Ягов.

Вера вздохнула:

– Хорошо, только поедem сразу домой. Я очень устала...

Ягов кивнул:

– Конечно домой, куда же еще.

Они медленно пошли обратно к кортам, Вера напоследок помахала рукой:

– Пока, ребята. Созвонимся.

– Пока, Вер, если что, сразу дай знать, мы тебя в обиду не дадим! – Женя раздраженно плюнул себе под ноги. Ягов же молча повел девушку в сторону кортов. Перед тем как свернуть с дорожки, он оглянулся и мотнул головой типам на детской площадке. Те быстро пошли следом.

Горелов, уже в одиночестве, сучал на скамейке, положив ногу на ногу.

Во влажном воздухе витал шорох увядшей листвы. Оборванные собственным весом и ветром листья беспомощно кружились в воздушном потоке, падали на головы прохожих, прилипали к сырому асфальту. Их собирали в кучи дворники и грузили в грузовики вместе с обрывками газет, пустыми сигаретными пачками, окурками, стеклянными осколками и пластиковыми тарелочками с остатками томатного соуса и прилипшими ломтиками недоеденного жареного картофеля. Оставшиеся ворохи листьев дворники жгли тут же, распространяя во все стороны шлейфы сине-серого дыма. Он, растворяясь среди строений и стволов оголившихся деревьев, создавал порой непроглядные, напоминающие речной туман облака. Из динамиков на главной аллее, сквозь этот смог, неслись шипящие и потрескивающие от атмосферных разрядов звуки радиопередачи. Отдельные фразы какой-то симфонии, отраженные многочисленным эхом, сливались в кашу, наслаивались в душераздирающий, гнетущий хаос. Неожиданно симфония прервалась, послышался безразличный женский голос:

«Леша Ручкин, тебя ждет мама у главного выхода... Повторяю, Леша Ручкин, тебя ждет мама у главного выхода... Уважаемые посетители, в нашем спортивном, комплексе работает кинотеатр „Спорт“, ресторан „Рекорд“, зал игровых автоматов...»

Тем временем двое мужчин, шедшие за Яговым с Верой, подошли к ним вплотную.

– Где вас черти носят, Кононов? – сквозь зубы процедил Ягов, резко обернувшись к тому, что жевал резинку. Тот выплюнул жвачку и промычал:

– Извиняюсь, больше не повторится...

– Чего не повторится? Прекрати юродствовать... А ты, Лузга, – Ягов презрительно смеялся второго взглядом, – в каком дерьме плащ извозил?

Лузга поковырял ногтем грязное пятно на рукаве светло-бежевого плаща:

– Это, наверное, когда в машине, в моторе копался, Василь Ефремович. Я плащ отстираю или другой куплю...

– Тебе бы только деньги переводить.

Ягов заговорил почти неслышно, наблюдая, как Верочка, подойдя к скамейке, начала торопливо кидать в большую спортивную сумку его полотенца, термос, коробку с мячами, ракетки и неоткупоренные бутылки с колой. Горелов неловко и суетливо ей помогал.

– Вот что, Лузга, и ты Кононов, «срисуйте» мне того парня с черной сумкой и такой длинной штукой, в которой студенты чертежи таскают. Денис его зовут. За ним нужно поглядеть: что, откуда, с кем общается, может быть, пошарить у него дома...

Лузга с растяжкой прогудел в ответ:

– Ну, это можно...

– Не перебивай, кретин! Он, мне кажется, что-то знает про предстоящую операцию. Нужно выяснить, целенаправленно он сведения добыл или просто мотает на ус то, что Верка треплет. Они, оказывается, бывшие одноклассники. Пошупай его контакты, не стукачок ли, не осведомитель ли... Дело серьезное, новое. Но если провороните, подставлю вас самолично и

упеку в зону до конца дней, с продлениями. Будете там у «шестерок» вместо «петухов» задницы подставлять. Уловили?

Кононов изобразил на лице оскорбленное достоинство:

– Ну зачем вы так, Василь Ефремович! Разве мы полные кретины, разве подвели хоть раз?

– А не тебя ли в прошлом году в поезде грабанули как идиота, напоив коньяком с клофелином. Это ж надо, три кило первоклассного порошка сперли. Ты его до сих пор не отработал.

Кононов обиженно замотал головой, преданно глядя в глаза шефу:

– Да отработаю я, отработаю!

– Все, конец фильма. Лузга, отправляйся за парнем. Отвечаешь лично за его разработку. А ты, должник, проводишь меня. Что-то руки не слушаются после игры. Сядешь за руль, а то как бы машину не угробить.

Лузга ушел. Ягов и Кононов подождали, пока Вера с Гореловым закончат сборы, и пошли по аллее к выходу. Кононов взял у Горелова набитую сумку и поспешил вперед. Когда остальные подошли к машине, он уже сидел за рулем. Усаживаясь на заднее сиденье «Волги», Ягов недовольно указал на стоявшую почти вплотную машину:

– Опять свою тарантайку рядом припарковали, сколько раз говорил – не устраивать кортежи и совместные стоянки, только внимание привлекаете. И чтобы свой «мерседес» впредь оставляли для поездок по бабам. Слышишь? Скромнее надо быть.

– Понятненько, Василий Ефремович. – Кононов завел мотор. – Будем ездить на «жоппорожце».

– Не хами и не ругайся... На «запорожце» не надо, никуда не доедете, а вот на «жигулях» самый раз. Ну все, трогай!

Ягов развалился на сиденье. Выруливая со стоянки, Кононов спросил:

– Куда едем-то?

– На Калининский, – чуть помедлив, ответил Ягов.

– Почему на Калининский? – встрепелась Вера. – Я ведь в Медведкове живу. Вы обещали!

– Обещал, но вспомнил, что твой отец сегодня уезжает в командировку. Вернее, уже уехал, а ключей ведь у тебя нет.

Девушка полезла в карман рубашки:

– Нет, они у меня есть. Ой, а где же они? Вы что, их украли?

Ягов рассмеялся. Горелов, сидящий рядом с водителем, тоже захихикал. Прикрыв рот ладонью, он тонко пропищал:

– Небось выронила или с намеком отдала ребятам...

– Не хами, Горелов, – Ягов шутя погрозил ему пальцем, – она просто их потеряла. Так, наверное, Вера?

– Не знаю, все это очень подозрительно. И про командировку отец ничего не сказал мне. Учтите, я ему позвоню.

Вера посмотрела на Ягова, тот спокойно ей улыбнулся:

– Конечно, конечно. Он и сам узнал про нее только утром.

– И вы мне не сказали, увезли на свой дурацкий теннис, не дав даже помочь собрать отцу вещи. Жалко, бабушка в больнице, но я к ней съезжу, возьму у нее ключ от квартиры на «Смоленской».

– Бабушка твоя в реанимации, правильно? Значит, все вещи в больнице у сестры-хозяйки, а она любому встречному-поперечному ничего не будет давать.

– Василий Ефремович, ну будьте человеком, вы ведь сможете с ней договориться, – заерзала на сиденье Вера.

– Я не всемогущ. Кроме того, есть более простой способ решить наши проблемы. На Калининском пустует трехкомнатная пещера. Поживешь там недельку, пока отец не вернется. На работу тоже можешь не ходить. Подпишу тебе «за свой счет». Хорошо?

– Но это похоже на арест! – Вера с негодованием отстранилась от Ягова.

– Какой же это арест, в центре города, рядом с Кремлем? Просто отдохнешь, развеешься.

Ягов достал сигареты, Горелов, старательно делая вид, что не слышит разговора, расспрашивал водителя о разнице между гоночным автомобилем и обыкновенным, на что Кононов отшучивался фразами типа: «К гоночной баба не должна даже подходить, не то что туда садиться. А в простой может хоть чего. Хоть „это самое“, с машиной».

На Садовом кольце, около гастронома «Смоленский», их остановил гаишник и оштрафовал за непристегнутые ремни безопасности.

Девушка, увидев милиционера, с надеждой встрепенулась, но Кононов далеко проехал вперед и потом, изображая виноватость и угодливость, засеменял обратно, к надменно прохаживающемуся инспектору. Пока тот изучал документы водителя, Ягов держал руку на кнопке дверцы и спокойным голосом советовал Вере не делать глупостей. Уже сворачивая на Калининский проспект, девушка поняла, что упустила реальную возможность вырваться. Но, с другой стороны, ей очень смутно представлялось, зачем среди бела дня Ягову понадобилось устраивать похищение, и в глубине души она надеялась, что все это не более чем глупый розыгрыш.

А шеф, почувствовав ее настроение, принялся всячески подыгрывать. Шутил, толкал Кононова под локоть, после чего «Волга» рискованно вихляла, вызывая нервные сигналы шарахающихся в стороны автомобилей. Потом вынудил Горелова включить на полную громкость радиолу с кассетой «Бед бойз блю» и стал называть его Кальтенбруннером, Кононова – Мюллером, а девушку – русской радисткой. Разойдясь, Ягов пытался нацепить девушке на нос темные очки, но она, приоткрыв стекло, выбросила их на дорогу. Продолжая дурачиться, он предложил всем отстреливаться от погони, указав на троллейбус, вставший за ними на светофоре.

Однако после того, как Вера вышла из лифта на двенадцатом этаже в сопровождении Ягова и двух его спутников и перед ней открылась обитая дерматином металлическая дверь, из-за которой показался вежливый громила с толстыми, распирающими пиджак ручищами, она поняла, что шутки кончились. Вера очутилась в комнате с окнами, забранными мелкой металлической сеткой и проволоками сигнализации. Она увидела ящики с продуктами на кухне и замки на двери в комнату, снабженную вторым санузлом и такой же сеткой на окнах. «Самая настоящая тюрьма», – подумала Вера со страхом.

– Вот это Валера. – Ягов представил девушке вежливого громилу. – Все ключи у него. И от входной, и от внутренних дверей. Он будет тебе готовить, заботиться. Уходить он отсюда не будет. Трогать тебя – упаси бог... На меня не сердись. Я вынужден это сделать, потому что не могу допустить, чтобы у меня из-под носа произошла утечка информации, связанная с кое-какими моими делами. Если ты просто болтаешь, а твой Денис ни на кого не работает – ни на органы, ни на группу моих недоброжелателей, – то через недельку поедешь отдыхать в Палангу. Тоже, правда, под надзором до завершения одного дела. Кстати, для отца ты уже там. Горелов сегодня загонит в компьютер образцы твоего почерка и через плоттер накалякает за тебя письмо. А я подтверждаю, что достал тебе горящую путевку. Ну а если вся ваша возня неспроста, то будем думать, как быть с вами дальше.

Вера, до этого сохранявшая присутствие духа, вдруг расплакалась и, размазывая по щекам потекшую косметику, запричитала:

– За что? Что я такое сделала... Я ему ничего не говорила... Я ничего не знаю, мне все равно, чем вы там занимаетесь!

Ягов, прислушиваясь к тому, как на кухне Горелов и Кононов шарят в холодильнике, и равнодушно смотря на девичьи рыдания, кивнул громиле:

– Приступай, Валера, к своим обязанностям. Тащи воду и успокоительное, валерьянку там или еще что.

Валера сходил на кухню, вылил прямо в чайник две ампулы реланиума и вернулся с блюдцем, на котором стоял фужер с теплой водой и каталась желтая маленькая таблеточка валерьянки.

Вера подозрительно, сквозь слезы и слипшиеся ресницы, поглядела на таблетку и сшибла ее щелчком на ковер. Воду же, громко глотая, выпила:

– Это вам так не пройдет, Василий Ефремович, меня будут искать, найдут.

– Вот-вот, хорошо. – Ягов успокаивающе кивнул. – А мы как раз посмотрим, как тебя будут искать, кто тебя будет искать и зачем. Все, до свидания, мне сегодня еще надо повидаться и переговорить с нужными людьми. Да, меня ты в эти дни вряд ли увидишь, но мне будут докладывать о твоём поведении. Поэтому постарайся меня не сердить. Я к тебе отношусь с большой симпатией. С большей, чем ты себе даже можешь представить. Ну, все, мне пора...

Он потрепал съезжившуюся девушку по волосам и пошел на кухню.

– Кононов, хватит жрать, будто тебя никогда не кормили! Поехали! Горелов, ты тоже будешь нужен. Все!

Ягов направился к выходу. Дожевывая и хлопая на прощание громилу Валеру по спине, Кононов и Горелов поспешили вслед за шефом. Давясь помидором, Кононов прошептал, наклонившись к аналитику и отпихивая в сторону его портфель, бьющий по колену:

– Слушай, а зачем он все-таки ее упрятал в этот дом отдыха? Психотропное зачем?

– Для того, балда, чтобы спровоцировать тех, кто собирает информацию о нашей канторе. Чтобы они начали Веру разыскивать, а мы их выявили, засекали... А реланиум, чтобы спокойно себя вела.

– У, Горелов, голова у тебя работает...

– Да ладно. А ты лучше болтай поменьше, а то шеф поймет какой ты тупой, и выгонит с работы.

– Ну, ты, головастик, не очень-то! – Кононов замахнулся, но осекся, когда Ягов, первым войдя в лифт, оглянулся на него. Глаза у шефа были грозные и одновременно довольные.

– Итак, как говорил незабвенный Бендер, заседание продолжается, то есть, скорее, даже начинается. Горелов, ты разбираешься в картах?

– Конечно, Василий Ефремович. – Математик угодливо изогнулся.

– А немецкий знаешь?

– Достаточно хорошо.

– Прекрасно, тогда нажимай на кнопку, только не запачкайся, кто-то всю панель оплевал.

Ягов брезгливо отстранился от стенки лифта.

– Спасибо, вижу. И кнопки сожжены спичками... Ну и страна, все только и делают, что гадят...

– Да это мальчишки балуются, – оскалился Кононов, разминая в пальцах сигарету.

Глава 7

– Спи, Аннет, спи... – Хорст Фромм вылез из-под одеяла и успокаивающе поцеловал жену, когда она повернулась к нему, порозовевшая ото сна, с отпечатавшимися на щеке складками наволочки.

– Ты сегодня поздно? – Аннет сладко зевнула и сонно потянулась к Хорсту за новым поцелуем.

– Не думаю, скорее всего к пяти часам уже вернусь, – ответил он, мягко отстраняясь. Затем сунув ноги в тапки и, придерживая перевязанную правую руку, прошел на кухню. Сварил кофе, похрустел маисовым печеньем.

Пока кофе остывал, он почистил зубы, побрился, со вздохом пропустив участок щеки, вздувшейся от ожога, потер пальцем опаленные брови, провел ладонью по непривычно короткой прическе. Обычно прямые волосы теперь будто подверглись химической завивке, кучерявились и торчали в разные стороны. Хорст ухмыльнулся, соорудив самому себе в зеркале зверскую рожу, включил телевизор в нише над холодильником, убавил звук, чтобы не мешать жене, и стал не спеша пить кофе.

На телеэкране высветилась заставка новостей. За спиной диктора, под транспарантом с надписью «Гондурас», суетились смуглые люди в защитной форме, опоясанные пулеметными лентами. Они быстро высовывались над бруствером, выложенным мешками с песком, не глядя палили куда-то вдаль и ныряли обратно в укрытие. Потом пошли спортивные известия. Фромм вытащил было сигарету, но, посмотрев на часы, пошел одеваться.

Шкаф встретил его запахами горелой синтетики и жженого хлопка. Из нижнего ящика торчал полиэтиленовый пакет, в котором ему при выписке из госпиталя выдали одежду, точнее, ее остатки.

«Эх, барахольщица, пожалела выкинуть...» Хорст недовольно поморщился, с кряхтением тяжело присел, бросил шелестящий пакет на пол и ногой отшвырнул к входной двери. Из спальни послышался сонный голос Аннет:

– Чего ты там бушуешь, Хорст?

– Ничего, ничего, спи. – Он разогнулся, потер застучавшие виски. Лицо от прилившей крови стало пунцовым.

Одной рукой завязать шнурки не удалось. Пришлось отставить любимые ботинки и влезть в новые, слегка трущие туфли. Пока Хорст досадливо цыкал, в гостиной зазвонил телефон. Он взял трубку:

– Фромм слушает.

Молчание.

– Перезвоните, вас плохо слышно!

Молчание.

Он пожал плечами и нажал на рычаг. Спускаясь к машине, выкинул пакет с воняющими тряпками, вынул из почтового ящика утренние газеты. Когда он открывал дверцу автомобиля, его окликнули:

– Привет, Хорст, как дела?

– Привет, Франк. Ты опять копаешься в своей развалюхе? Когда же ты ее выбросишь?

Мужчина в промасленном синем комбинезоне возмущенно облокотился на крышу своего старого автомобиля, ощерившегося пастью открытого капота, из-под которого выглядели моторные внутренности:

– Ты никогда, Хорст, не поймешь прелести копания в моторе. Вы, молодые, привыкли подъезжать к мастерской, платить бумажки и тыкать пальцем: «Там чего-то бренчит» – и потом

садиться в уже готовую машину. А вот ты сможешь по звуку определить, какой цилиндр стучит?

– Нет, я думаю, это мне недоступно.

– То-то. Ковыряться в двигателе – самое мужское развлечение. Не то что сидеть у телевизора.

Франк всем туловищем нырнул под капот и принялся что-то отворачивать.

– Пока, Франк.

– Пока! – буркнул тот в ответ.

Хорст сел в свою машину, кинул газеты назад. Что-то неуловимо изменилось в салоне, хотя все лежало на своих местах. Если бы Аннет пользовалась машиной, все было бы ясно, но она принципиально ездила только на своем крошечном «фольксвагене». Он проверил содержимое бардачка, слазил под сиденье, где лежали запасные «дворники» и тряпка для протирания стекол вместе с мыльным аэрозолем. У него возникло такое ощущение, что в машине кто-то рылся. Может быть, когда он был в Грюнешвейге, может быть, позже, когда валялся в госпитале. Хорст вылез, осмотрел мотор, багажник, заглянул под днище. Снова сел за руль, осторожно завел, проехался немного и резко нажал на педаль тормоза. Машина послушно остановилась.

«Странно...» Хорст поправил зеркало заднего вида и неожиданно увидел в фургоне, стоящем чуть в отдалении, лицо, показавшееся ему знакомым. Он аккуратно развернулся и неторопливо покатил в направлении фургона, но водитель тут же закрыл затемненное стекло. Сделав вид, будто это его не касается, Фромм свернул на проспект и остановился у первого попавшегося телефона-автомата. Обходя спешащих на работу прохожих, он полез в карман, нашаривая там мелочь. Аннет долго не подходила. Наконец в трубке послышался недовольный голос:

– Да... Кто это?

– Это я. Слушай, когда будешь уходить, на моем столе оставь записку: «Уважаемый жук-пожарник, стоимость моих услуг определяется числом N». Поняла?

– Что за чушь?

– Напиши и оставь на столе. А сверху положи пустую папку с надписью «Майнц-Телефункен».

– Ну ладно, напишу. Хотя это вызывает у меня сомнение в твоем душевном здоровье!

– На связи. Все, целую тебя, Аннет.

По пути к своему автомобилю Хорсту пришлось купить сосиску у приставучего палаточного торговца. Тот кричал прямо в уши потенциальным покупателям, проходящим мимо, о том, что таких божественных свиных сосисок нет даже в раю, а есть они только у него, Рене Юнкера. Ведь именно свинки его поставщика не употребляют стимулирующих рост гормональных препаратов. Еда оказалась действительно недурна, хотя доставила некоторые неудобства Хорсту. Здоровой рукой он одновременно и крутил баранку, и удерживал горячую сосиску. Какая-то женщина, обогнавшая его на Курфюрстштрассе, удивленно вскинув брови постучала пальцем по лбу, но это его только рассмешило.

В коридоре, в здании комиссии, у Хорста неожиданно заболела травмированная рука. Успокоившаяся было за ночь, к утру она будто проснулась. Хорст был к этому готов. Он быстро проглотил болеутоляющее и решительно зашагал по стеклянному переходу в дальнее крыло, где находился следственный отдел. Перед тем как открыть дверь в комнату для совещаний, за которой сурово гудел голос Румшевитца, что-то требующего от незримого ответчика, Фромм поправил галстук, застегнул верхнюю пуговицу рубашки и по привычке пригладил не существующую теперь челку. Только после этого приоткрыв дверь, он заглянул в помещение, посреди которого стоял длинный стол, а у стен высокие, до потолка, шкафы, плотно уставленные справочной литературой и подборками газет и журналов.

– Разрешите присутствовать?

– Привет, Фромм! Заходи, погорелец. Мы как раз обсуждаем линию вашей группы...

Господин Румшевитц, грузный мужчина с седеющими висками, в сером в черную полоску костюме откинулся на спинку кресла. Яркий свет, льющийся из окна, превращал его лицо в темный силуэт. Сидящие вдоль стола обернулись на вошедшего: кто подмигнул, кто равнодушно пробежался глазами по бинтам и пластырю, кто просто улыбнулся... Фромм пригнулся с краю, устроил поудобнее поврежденную руку, легонько пихнул соседа справа:

– Привет, Хюттнер.

– Привет.

Румшевитц тем временем переложил из папки на стол несколько исписанных мелким почерком листов:

– Итак, теперь уже не вызывает сомнений, что группа Фогельвейде находится на правильном пути. Попытка неизвестных уничтожить на первый взгляд незначительные документы, желание во что бы то ни стало воспрепятствовать их изъятию, повлекшее за собой гибель полицейского Гесбергера, наводит на мысль, что компания «Майнц-Телефункен» имеет отношение к деятельности, запрещенной федеральными законами и актами Совета безопасности. По материалам, добытым Фроммом, сейчас ведется скрупулезная проверка. Но пока все данные по товарам совпадают с указанными в накладных. Хотя, возможно, есть смысл сосредоточить усилия прежде всего на поставках «М-Т» государствам Ближнего и Среднего Востока, Африки и странам Юго-Восточной Азии. Есть у меня такое предчувствие, что они делают ставку прежде всего на транзит. Все торговые операции «Майнц-Телефункен» в этих странах должны быть выявлены и досконально исследованы. Прежде всего, необходимо обратить внимание на соответствие товаров, указанных в таможенных декларациях, реальным товарам, проследовавшим через границы. Нужно будет вступить в контакты с работниками портов, железнодорожных, погрузочных, перевалочных станций, грузчиками, путевыми рабочими, диспетчерами... Выяснить – не заметили ли они несоответствие, предположим, веса контейнера с пористыми изоляционными материалами и его размерами.

Особо хочу подчеркнуть значимость мероприятий по пресечению утечки оперативной информации по ходу расследования. Агенты «Телефункен» ничего не должны знать! Почувствовав, что мы у них на хвосте, они могут вообще приостановить свою деятельность. Это приведет к затягиванию следствия или невозможности выявить все их нарушения. Что думает по этому поводу руководитель группы «Арденн»?

– Проще земной шар носом перепахать... – проворчал Фромм.

Высокий, широкий в плечах, чуть полноватый мужчина, сидящий напротив него, будто очнулся. Он отложил карандаш, которым делал короткие пометки во время монолога Румшевитца, полистал блокнот, открыл страницу, испещренную квадратиками, черточками и галочками напротив столбца заглавных букв, и облокотился на стол.

– Мы слушаем вас, господин Фогельвейде, – заерзал на кресле Румшевитц.

– Да, вы в своих пожеланиях перечислили большинство мероприятий, по которым моя группа уже работает. Теперь уже доказана причастность посреднической компании «М-Т», входящей в состав концерна «ИГ Фарбениндустри», к организации экспорта, запрещенных военных технологий и их компонентов. Если позволите, то я сразу перейду к краткому анализу, по имеющейся у нас на сегодня оперативной информации. Во-первых...

Румшевитц встрепенулся, вскочил и заходил вдоль стола.

– Секундочку, не так скоро...

– Извините, не понял? – Фогельвейде улыбнулся уголками рта, между бровями обозначились складки.

– Я немного поторопился с разбором вашей линии. Ведь сейчас в разработке находится дело о заводе взрывчатых веществ, а там, кажется, все идет к развязке. Не так ли, Эриг? Вас, Фогельвейде, мы послушаем позже. Вы еще раз все проверите и хорошенько подготовитесь.

– Слушаюсь. – Фогельвейде сел, подмигнул Хорсту и что-то сказал на ухо сидящему справа от себя мужчине с аккуратно подстриженными усиками.

Фромм вдруг беспричинно заскучал, пропуская мимо ушей доклад Эрига, занудно и чрезмерно подробно перечислявшего товары, места их расположения в порту Киля и номера контейнеров, в которых предполагалось наличие ингредиентов для приготовления особо мощной пластиковой взрывчатки, предназначенной для поставки террористам одной из стран Ближнего Востока. Фромм сначала крепился и, борясь с наваливающейся дремой, разглядывал галстук Фогельвейде – руководителя своей оперативной группы. Он все пытался припомнить, видел ли раньше на начальнике этот галстук. «Нет, вряд ли». Решив все-таки, что он новый, Хорст утратил к галстуку интерес и принялся глазеть на собравшихся. Почти вся его оперативная группа была здесь, за исключением эксперта по финансовым документам Матеаса Рюбе. Группы «Кельн-1» и «Бисмарк» были также в полном составе со своими руководителями, один из которых, Эриг, сейчас и докладывал. Рядом со столом Румшевитца, спиной к окну, сидел координатор комиссии доктор Пауль фон Толь, всегда молчаливый и насупленный. Криминалист из «Бисмарка» Освальд поминутно шмыгал носом и вытирался платком, складывая его то так, то этак, в безнадежных поисках сухого места. Хорст поминутно отключался, проклиная себя за то, что принял слишком сильное успокоительное. Наконец он задремал, провалился в мягкую, обволакивающую невесомость. Несколько неясных видений мелькнули под полуприкрытыми веками и унеслись его прочь в беспокойные сны...

– Фромм!

Хорст вскочил как ошпаренный, об пол громыхнул опрокинутый стул.

На него сверху вниз строго смотрел Фогельвейде.

– Фромм, будь так любезен, позволь руководителям групп переговорить с господином координатором, без твоего присутствия.

– Да, да, конечно... Извините, я, кажется, переборщил с болеутоляющим...

– Ничего, бывает. Кстати, будь так любезен, подожди меня в холле.

– Слушаюсь. – Фромм вышел в коридор.

Там топтались несколько сотрудников из разных подразделений и групп, разминая ноги после длительного сидения. Они обсуждали последнюю игру федерального чемпионата по регби:

– Я тебе всегда говорил, что «Медведи» расколошматят легчиков как маленьких детей!

А ты, Фолькер, утверждал, что они равны...

– Я? Утверждал? Кюттнер, ты что? Что за чушь! Просто...

– Нет, нет, ты именно это и сказал, правда, Хорст? Скажи-ка ему.

Хорст пожал плечами:

– Может быть... А вот я мог бы сказать так: ребята, нечего трепаться на посторонние темы под дверью шефа, а то он начнет сомневаться, не проводите ли вы свои командировки на стадионах или перед телеэкранами, смотря сутки напролет спортивные каналы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.